И. Малахова

Духовные христиане

БИБЛИОТЕКА

•СОВРЕМЕННЫЕ

РЕЛИГИИ•

Библиотека

Современные

религии

«СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИИ»

Это серия книг, рассказывающих о вероучении и культе основных религиозных направлений и наиболее распространенных религиозных организаций, их структуре, моральных поучениях, деятельности в наши дни. В библиотеку «Современные религии» входят книги:

- *Православие*
- *Католицизм*
- *Протестантские церкви*
- *Ислам*
- *Буддизм*
- *Иудаизм*
- *Баптизм*
- *Адвентизм*
- *Пятидесятники*
- *Меннониты*
- *Свидетели Иеговы*
- *Духовные христиане*
- *Униаты*
- *Старообрядцы*

В

И. Малахова

Духовные христиане

Москва · 1970

Издательство
политической литературы

Малахова Ирина Александровна.

М18 Духовные христиане. М., Политиздат, 1970.

128 с. (Б-ка «Современные религии»).

Книга научного сотрудника Института научного атеизма при Академии общественных наук при ЦК КПСС И. Малаховой посвящена критическому анализу идеологии группы христианских сект, так называемых «духовных христиан». Автор рассказывает об истории этих сект, их эволюции и современном положении. Анализу подвергаются нравственные принципы «духовных христиан», модернистские тенденции, характерные для них в настоящее время.

Книга представит интерес для всех читателей, занимающихся проблемами научного атеизма.

1—5—8
128—70 **293.5**

Отзывы и пожелания просим присылать по адресу: Москва, А-47, Миусская площадь, 7. Политиздат, редакция литературы по марксистско-ленинской философии и научному атеизму.

ВВЕДЕНИЕ

Немало различных христианских ересей и сект было на Руси, начиная с XIII в. и кончая новейшим временем. Известны ереси стригольников и антитринитариев (новгородско-московская ересь) в XIV столетии, Матвея Башкина и Феодосия Косого в середине XVI в., а позднее, в XVII в., раскол в православной церкви, приведший к выделению старообрядчества. Не без их влияния появились на Руси и так называемые «духовные христиане», численность которых составляла сотни тысяч человек и приближалась, по некоторым источникам, к миллиону.

Первыми сектами «духовных христиан» можно считать «хлыстов» (христововеров) и скопцов. Почти одновременно появились секты духоборцев и молокан. Возникнув в крестьянской среде, они довольно быстро через оброчных крестьян проникли в города, в среду городских лавочников и ремесленников.

Христововерие и отпочковавшееся от него скопчество, уходят своими корнями в эпоху становления капиталистических отношений и являются выражением кризиса феодально-крепостнической системы. Социальной средой, питавшей эти секты, было крепостное, в основном оброчное, крестьянство, стремившееся, как отмечает советский исследователь А. И. Клибанов, аскетизмом, отрицанием православной обрядности — «иконоборчеством» «показать свой полный разрыв с ненавистным миром крепостников, непримиримость с этим миром».

Это был протест против экономической и духовной зависимости от крепостников, протест, который, наряду со стихийными народными волнениями, выразился и в форме религиозного учения, призывавшего осудить роскошь и разврат правящего сословия, подчиняться не его законам и постановлениям, а лишь «святому духу». Крестьяне не хотели быть собственностью Воронцовых, Меньшиковых или Романовых, они пускались в бега или уходили в «люди божии» (самоназвание «хлыстов»), хотя это сулило им жестокие преследования и ссылки.

«Едва ли не каждое сочинение об экономическом положении русского крестьянства в пореформенную эпоху указывает на так называемую «дифференциацию» крестьянства» [1]*,— писал В. И. Ленин. Крестьянин, по его словам, был «вполне подчинен рынку, от которого он зависит и в личном потреблении, и в своем хозяйстве, не говоря даже о податях».*

Новые явления экономической жизни, например, эксплуатация в форме денежной ренты, широко практиковались в хозяйствах светских и духовных феодалов. А денежная рента, как отмечал К. Маркс, «предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения» [2].

Издавна существует почти общепризнанное деление сект на так называемые мистические и рационалистические. К мистикам причисляют сектантов, в вероучении которых доминировала мысль о непосредственном общении человека с богом, о персонификации бога в отдельных личностях, так называемых Христах, богородицах и т. п. Мистические секты, как правило, имели «пророков» и «пророчиц», а их религиозные собрания проходили в форме радений, т. е. молений, сопровождавшихся одиночными и коллективными плясками, доводящими верующих до экстаза. К рационалистам исследователи относят секты, которые при толковании «священного» писания руководствуются в первую очередь, не чувством, а рассудком.

Это деление религиозных сект проводится некоторыми авторами и до настоящего времени, хотя и с оговорками, что в мистических сектах есть рационалистический элемент, а в рационалистических — мистический.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 61.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 361.

Думается, что при классификации сект следовало бы выделить еще одну группу, которую можно объединить одним названием — «духовные христиане», группу, которая будет включать и «мистиков» и «рационалистов», объединенных общим (хотя в значительной степени разным) отношением к «священному» писанию, а именно, «духовным» его толкованием.

К этой группе были бы прежде всего отнесены христововеры, скопцы, духоборцы и молокане. Все они как бы ступени одной лестницы развития «демократического протеста в религиозной оболочке». Каждая ступень связана с определенным периодом истории, с определенной политической обстановкой, определенным социальным слоем, в котором нашла отзвик та или иная религиозная проповедь.

Православным верующим, как известно, долгое время не рекомендовалось читать Библию во избежание самостоятельного ее толкования. Ведь такое толкование могло привести их к нежелательным с точки зрения церкви выводам. Строгий запрет читать Библию в какой-то мере обусловил отказ христововеров, скопцов и духоборцев от пользования этой «священной» книгой. Они обходились и обходятся без Библии, называют ее «хлопотницею» (хотя и считают ее «богодухновенной» книгой), регламентируя свою религиозную и светскую жизнь так называемой «Животной книгой» или «Книгой жизни», в которой собраны, как полагают христововеры, главные заповеди, данные им легендарным основателем секты Данилой Филипповичем. У духоборцев функции Библии восполняют «Книга жизни», а также изречения и письма Петра Веригина (начало XX в.), или, как его называют духоборцы, Петра Господнего, которые священны для них. Среди молокан имеется течение «прыгунов», которые источником своего вероучения считают не Библию, а «Книгу — Солнце», написанную «пророком» и одним из основателей «прыгунства» — Максимом Рудометкиным. Остальные течения молокан — «постоянные», «донской толк» — в качестве источника вероучения признают Библию, хотя толкуют ее «духовно», «иносказательно», «переводя опыт прошлого на настоящие явления жизни».

Октябрьская революция подорвала социально-экономические основы сектантства. Уничтожив пережитки крепостничества, систему феодально-помещичьего угнетения, она ликвидировала основные источники, которые питали

христововерие, молоканство, духоборчество. Распад этих сект, начавшийся еще в дореволюционные годы, активно продолжался после революции.

В настоящее время от духоборчества, молоканства, христововерия, скопчества, субботничества остались небольшие общины и локальные группы последователей, состоящие в основном из представителей старшего поколения. Видимо, это является одной из причин, что вероучение, культ и деятельность этих сект не нашли достаточного отражения в нашей научной и научно-популярной литературе.

А. И. Клибанов отмечает, что 17% изданий среди всей опубликованной после 1955 г. литературы о сектантстве, составила литература о секте свидетелей Иеговы: 12% — о секте евангельских христиан-баптистов; 9% — о пятидесятниках; 7% — об адвентистах седьмого дня; остальные (примерно 3%) — о разных мелких сектах[1]. *В эти 3% вошли книги и статьи о «духовных христианах». Их немного, поэтому почти все они могут быть перечислены. Это главы в книге А. И. Клибанова «История религиозного сектантства в России» (60-е годы XIX века — 1917 г.), (М., 1965); брошюра П. А. Гладкова и Г. Я. Корытина «Христианские секты, бытующие в Азербайджане» (Баку, 1961); статья К. И. Козловой «Изменение в жизни и деятельности молоканской общины» в сборнике «Вопросы научного атеизма» (Вып. 2. М., 1966); статья А. Г. Золотова «Реакционный характер молоканства» (по материалам, собранным в Грузинской ССР) в «Ежегоднике Музея истории религии и атеизма» (Вып. VI, М.— Л., 1962); статьи Э. Я. Боград и И. А. Малаховой в сборнике «Вопросы истории религии и атеизма» (Вып. 9. М., 1961) и др.*

В данной книге автор не претендует на исчерпывающую полноту характеристик всех направлений «духовного христианства». Он стремился кратко охарактеризовать историю и современную религиозную организацию христововеров, духоборцев, молокан, их быт, культ, мораль. Знание этих вопросов может способствовать выработке форм и методов атеистической работы среди данной группы сект.

---

[1] См. *А. И. Клибанов.* Пятьдесят лет научного исследования религиозного сектантства. «Вопросы научного атеизма». Вып. 4. М., 1967, стр. 378.

ХРИСТОВОВЕРЫ

Немного истории

Первое упоминание о «хлыстах» встречается в старообрядческой литературе, из которой мы узнаем о некоем «предивном отце Капитоне», чья деятельность прослеживается с 30-х годов XVII в.[1] Затем в начале XVIII в. Дмитрий Ростовский в своем «Розыске...»[2] пишет о «христовщине», толке, который «хулит церковь божию», запрещает к иконам и «святым» прикладываться. Проповедовал это учение «некий мужик», которого «зовут Христом и яко Христа почитают».

Название секты — «хлысты» — произошло, вероятно, от одного из обрядов секты, который заключался в том,

---

[1] См. *А. И. Клибанов.* История религиозного сектантства в России. М., 1965, стр. 41.

[2] *Дмитрий Ростовский.* Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1847, стр. 599.

что фанатично настроенные сектанты хлестали себя жгутами или прутьями. Однако обряд этот, как говорят исторические источники, был принят не повсеместно, а лишь в отдельных уездах.

Следует иметь в виду, что отдельные общины секты управлялись лицами, именовавшими себя «христами». Это давало основание православным верующим всех членов секты называть «христами». Можно полагать, что «хлысты» — искаженное «христы», а можно допустить и параллельное существование этих двух наименований религиозного течения, последователи которого называли себя «людьми божьими».

Согласно историческим источникам, а также устным преданиям «хлыстов», первоначальными областями распространения этого религиозного течения были Нижегородская, Костромская и Владимирская губернии.

По мнению православных богословов, причиной появления «христовщины» было крайнее засилье обрядовой религиозности. Христововерие понималось как протест «людей чувства» против «буквы».

Такого рода объяснение причины появления «хлыстовства», конечно, одностороннe. Оно не касается причин социально-экономических, объясняющих многое в вероучении «хлыстов», в частности их аскетизм, проповедуемый легендарными законоучителями «христовщины» старцем Капитоном и его учеником муромским крестьянином Данилой Филипповичем (Филипповым). Появление в XVII в. «хлыстов» в действительности было проявлением в религиозной форме социального протеста главным образом крестьянского населения России.

Секта христововеров берет свое начало в XVII в. В тот период православная церковь была крупным феодальным собственником, ей принадлежало свыше 116 тыс. крестьянских дворов, из числа которых на долю патриарха и высшего духовенства приходилось около

10 тыс. дворов и на долю монастырей и церквей — около 98 тыс. Церковь вмешивалась во все сферы духовной жизни общества, и естественно, что обличения христововерческих «пророков» направлялись в первую очередь против православной церкви.

«Христы» и «пророки», во время молитвенных собраний, ссылаясь на «дух божий», их посетивший, обличали грехи окружающего мира, предавали гласности пороки правящего сословия, чего не могли позволить себе крестьяне в обычной обстановке. Правда, протест этот был пассивным. Законоучители христововеров заповедовали им терпеть притеснения, терпеть бесправие и нищету. «Кто вытерпит, тот будет верный, получит царство небесное, а на земле духовную радость»,— говорится в девятой заповеди, которую дал своим приверженцам, по преданию, Данила Филиппович.

Постепенно в городах возникли предпосылки буржуазных связей, которые и были основой реформационных городских движений, нашедших отклик в крестьянской среде лишь во второй половине XVII в., когда и деревня стала втягиваться в буржуазные отношения.

В XVIII в. рост сектантства начал идти более быстрыми темпами.

Если до середины XVIII в. христововерие локализировалось в нечерноземных провинциях центра и верхнего Поволжья — уездах, тяготевших к Москве и Нижнему Новгороду, то с середины XVIII в. оно стало проникать в Тамбовскую, Воронежскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую губернии [1].

В середине XVIII в. христововерие дало две ветви, ушедшие в своем развитии в разные стороны. Одна из них — скопчество, являвшееся логическим завершением

---

[1] *С. Д. Бондарь.* Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль и субботников «иудействующих». Пг., 1916, стр. 19.

«хлыстовского» аскетизма, другая — распавшаяся на духоборчество и молоканство со множеством толков.

Основы вероучения и культа

Христововеры, выделившись из православной среды, сохранили с ней видимые связи. «Хлыстовские» собрания начинались молитвами, принятыми в православной церкви; многие члены секты посещали православные церкви, имели дома православные иконы, старались соблюдать посты. С одной стороны, эти действия можно было рассматривать как маскировку, стремление скрыть свое истинное лицо из-за боязни преследований, с другой стороны, христововеры были первой многочисленной христианской сектой в России, которая, естественно, не могла оторваться от «родной пуповины» без видимых знаков связи с ней. Необходимо учитывать и то, что проповедь свою христововеры начинали в православной среде. Как правило, сектанты старались не отпугивать аудиторию какими бы то ни было откровенными «новшествами».

Вспомним, что пятидесятники в России появились в баптистских общинах под видом баптистов; баптизм, в свою очередь, вырос на русской земле, в значительной степени на почве молоканства.

То же явление, связанное с боязнью гонения на новую «ересь», было характерно и для «хлыстов», у которых сохранилась легенда, будто Аббакуму Ивановичу Копылову, одному из известных христововерческих «пророков», было видение, где «показаны» ему были ад и рай. После этого пошел он к тамбовскому архиерею. «Он пошел к архиерею и доложил: «Ваше преосвященство, вот со мной вот такое получилось дело. Мне господь сказал, чтобы я проповедовал». Говорит так (архиерей) об этом деле: «Благославляю тебя, я смолоду, говорит, тоже молился, но не так, как ты... Я тебе напишу грамоту,— говорит,— чтоб тебя и твоих последовате-

лей никто не трогал. Жизнь, как хошь веди. В церковь не отрекайся, но на собрание свое ходите»»[1].

Далее следовала ссылка на то, что и Христос в синагогу ходил[2]. Такой легендой «хлысты» пытались легализировать свое учение для тех, кто боялся преследования со стороны православного духовенства, но готов был примкнуть к «ереси» под благовидным прикрытием.

Вероучение «людей божьих» заметно отличается от православного. Хотя «хлысты» и признают Библию божественным откровением, но толкуют ее аллегорически. В основе вероучения христововеров лежит вера в возможность прямого общения со «святым духом» и воплощение «святого духа» в наиболее праведных людях, которые становятся таким образом «христами», «богородицами» и «пророками».

В отличие от сторонников православной церкви, христововеры считают, что Иисус Христос не родился естественным образом от девы Марии, а был ее духовным сыном, так как в нее после 40-дневного поста вселился «дух святой». Толкуя таким образом евангельский миф, своего первого «христа» Данилу Филипповича и последующих «христов», христововеры считали «духовными сыновьями» почитаемых праведниц, в которых якобы также вселялся «дух святой», обитавший прежде в Христе.

Сторонники одного из толков христововерия — постничества, следуя евангельским мифам о непорочном зачатии Иисуса Христа от девы Марии, передавали из уст в уста миф о появлении своего «христа» — Аббакума

---

[1] Сб. «Современное сектантство». М., 1961, стр. 239.

[2] «...Иисус Христос в синагоги ходил. Это вы хорошо знаете. Молился в синагогах. А у них своя собрания была, у Иисуса Христа с учениками и со своими последователями, кто за ним следовал; он ходил, и собрания у них были тайные. И с этих пор, не со вчерашнего дня, с этих пор и взято».

Копылова. Этот миф в изложении современных постников выглядит следующим образом. «Жили некогда две монашки и молились они богу. Вдруг как-то раз явился им ангел и сказал одной из них, по имени Татьяна Макарьевна: «Ты, говорит, родишь себе сына скоро. У тебя сын будет»... Жили они, жили после этого. Смотрят, приходит один мужик — Аббакум Иваныч Копылов... Она прямо враз вскочила, говорит: «Вот мой сынок». А годами-то он, может, с ней наравне... А он (Копылов) говорит: «Я вам пока не сынок. Я — мирянин. Я ваш закон не знаю. Я сперва должен помолиться богу и жить так, как вы... Мяса, кровяного ничего не кушать, живого существа не кушать. Должен есть такую пищу, которая бескровная, неживая» [1].

Как Иисус Христос, согласно евангельскому мифу, дал десять заповедей своим ученикам, «живой бог» — Данила Филиппович, по представлениям христововеров, указал своим последователям «праведный» путь двенадцатью заповедями, которые звучат так:

«1. Аз есмь Бог, пророками предсказанный, сошел на землю для спасения душ человеческих. Нет другого бога, кроме меня.

2. Нет другого учения. Не ищите его.

3. На чем поставлены, на том и стойте.

4. Храните божьи заповеди и будете вселенныя ловцы.

5. Хмельного не пейте. Плотского греха не творите.

6. Не женитесь. А кто женат, живи с женою, как с сестрою. Неженатые не женитесь, а женатые разженитесь.

7. Скверных слов и сквернословия не говорите.

8. На свадьбы и крестины не ходите, на хмельных беседах не бывайте.

---

[1] «Беседа с постником И. В. Селянским». Сб. «Современное сектантство». М., 1961, стр. 236—237.

9. Не воруйте. Кто единую копейку украдет, тому копейку положат на том свете на темя, и когда от адского огня она растопится, тогда только тот человек прощение примет.

10. Сии заповеди содержите в тайне, ни отцу, ни матери не объявляйте, кнутом будут бить и огнем жечь — терпите. Кто вытерпит, тот будет верный, получит царство небесное, а на земле духовную радость.

11. Друг к другу ходите, хлеб-соль водите, любовь творите, заповеди мои храните, бога молите.

12. Святому духу верьте»[1].

Буржуазная мораль «хлыстовства» способствовала накоплению богатств в хозяйствах христововеров. Однако законы дореволюционной России, где господствующей религией было православие, ставили приверженцев секты, до 1905 г., вне закона. И они грезили о «великих радостях» на том свете, ибо на этом не видели путей преодоления своего неравноправного положения в обществе.

День страшного суда, учили идеологи христововерия, никому не известен. Но он наступит. Затрубит тогда Данила Филиппович в трубу, длиной от земли до седьмого неба. Земля обновится, мертвые воскреснут, откроется седьмое небо, Саваоф в сопровождении «верных» пойдет в Москву и зазвонит в царь-колокол. На призывный звон сойдутся все живые приверженцы христововерия, и слетятся все силы небесные, и начнется суд над всеми людьми от Адама. Грешники будут страдать, принимая мучения.

«Верных» же ожидала награда в виде хрустальных полей, окруженных садами и благоухающими цветами, в виде жизни веселой и радостной[2].

---

[1] *Константин Кутепов.* Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882, стр. 42.

[2] См. *Н. М. Никольский.* История русской церкви. М.— Л., 1931, стр. 255.

Что означало быть «верным» согласно вероучению христововеров? Это значило — непреклонно исполнять заповеди Данилы Филипповича, регламентирующие жизнь христововеров.

Как понималась последняя заповедь: «святому духу верьте»?

«Духовные христиане», как, впрочем, и приверженцы других религиозных направлений, считают, что бог награждает людей теми или иными дарами. В числе прочих у одних может быть дар пророчества или говорения на иноязыке, а у других — дар истолкования пророчеств.

«Святой дух», по учению христововеров, может говорить с верующими через так называемых пророков. Соблюдение заповедей, о чем было сказано выше, многодневный пост, пение «духовных» стихов на плясовой мотив — необходимые условия для обретения «дара пророчества», который, по сути дела, является религиозным исступлением, религиозным экстазом.

С течением времени радение превратилось у «хлыстов» в обряд, требующий предварительной подготовки, очищения и определенного внешнего оформления. Выполняя заповеди Данилы Филипповича хмельного не пить, плотского греха не иметь, жить с женой, как с сестрой,— христововеры верили, что «очищаются» от греха и могут считать себя «чистыми», «на которых может сойти дух святой».

Христововеры организовывали многочисленные или малочисленные, но всегда строго замкнутые тайные общины — «корабли», проникнуть в которые постороннему было почти невозможно. Этим отчасти объясняются разнотолки вокруг «хлыстовщины» и самые немыслимые предположения миссионеров относительно характера христововерческих собраний.

Молитвенные собрания «людей божьих» проходят в

форме радений — одиночных и «корабельных». Входящие в собрание приветствуют присутствующих словами: «Мир вам» и получают ответ: «С миром к нам». Усевшись вдоль стен на лавки, христововеры начинают петь. Сначала поются церковные молитвы («Отче наш», «Богородице, Дева, радуйся» и др.), затем духовные стихи. Причем последние поются во все убыстряющемся темпе. Попав под гипноз музыки, песен, присутствующие входят постепенно в состояние религиозного экстаза, начинают громко каяться в грехах, плачут, «пророчествуют». Круговое радение продолжается до тех пор, пока одежда не становится мокрой от пота. «Пьяному триста грамм надо, чтобы он начал плясать,— объяснял нам верующий С.— А у нас так от радости могут, понимаешь, плясать без вина» [1].

Христововерие никогда не было единым течением. Оно дробилось на различные толки, которые на определенном этапе исторического развития по-разному толковали идею воплощения Христа и ставили разный акцент на христововерческих заповедях.

Постники

После старохристововерия, которое мыслило идею Христа, по определению дореволюционного исследователя сектантов С. Д. Бондаря, «коллективистически», воспринимая Христа как дух, обитающий «во всем роде», вселяясь в каждого члена секты, появилось постничество, мыслившее идею Христа сугубо индивидуалистически.

Основателем постничества в христововерии считается уже упоминавшийся Аббакум Иванович Копылов, крепостной крестьянин села Перевоз, Кирсановского уезда, Тамбовской губернии, один из христововерческих «христов», имя которого в среде его последователей овеяно легендами.

[1] Сб. «Современное сектантство» М., 1961, стр. 242.

По вероучению постников, Христос есть «дух святой», обитающий на земле в особой, избранной плоти. Так, например, Христос-дух обитал в Аббакуме Копылове, затем в его сыне Филиппе и, наконец, в жене последнего — Анисье Копыловой.

Толк получил название постничества за ту большую роль, которая отводилась постам последователями Копылова.

Готовя себя к молитвенным собраниям, постники воздерживаются от пищи и питья иногда по 7—10 дней. Как правило, они постятся и на неделе до трех дней кряду. Широкое хождение среди постников, а затем, как мы увидим, среди позднейших «духовных христиан», например молокан, имела такая песня:

Хочешь (поститься) по дню, хочешь по два,
То есть Господу угодно.
А кто три дня пропостится,
Грех во плоти умертвится.
Кто избранный родом твердый —
Перетерпит день четвертый.
А кто пятый пострадает,
Душа плотью завладает.
Помогает дух святой
Перетерпеть день шестой.
Кто седьмицу покончает,
Даром душу причащает.
Благодать тот получает.

Наградой же за соблюдение поста служила «духовная радость», которую получали верующие на радении.

Вообще запретов в постничестве было предостаточно. Им запрещалось есть мясо и рыбу, картофель, лук и чеснок, пить вино и курить табак. Картошку постники первоначально отказывались есть потому, что она «была только по господам». Если вспомнить «картофельные бунты», которые имели место в России в давние времена, можно увидеть общую классовую основу бунтов и сектантских постов. Это была форма выражения проте-

ста против принудительных мер властей, заставляющих крестьян сажать картофель за счет сокращения общинных угодий.

По всем губерниям России зажиточное крестьянство, составлявшее меньшую часть дворов (приблизительно одну пятую), держало в своих руках более половины всего посева. Бо́льшая группа населения была вынуждена постоянно продавать свою рабочую силу, нанимаясь батраками или поденщиками. За счет этой дешевой рабочей силы и росла в основном секта «хлыстов». Материальная заинтересованность становилась стимулом для батраков при решении вопроса: вступать в секту «людей божьих» или нет? Обещание экономической поддержки и действительная поддержка со стороны работодателя подчас удерживала рядовых сектантов в общине.

В качестве примера можно привести судьбу старого постника С. И. В. из города Рассказово, Тамбовской области. В беседе с нами он поведал о своей жизни в дореволюционные годы. Выходец из бедной крестьянской семьи, С. И. В. вынужден был батрачить. Восемь лет работал он батраком у зажиточных постников в Рассказове. Сначала ходил на молитвенные собрания постников, а затем стал полноправным членом секты. Свое материальное благоустройство он связывал именно с постничеством. «Не я сам нашел, а тетка нашла эту веру,— говорил С. И. В.— Не попал бы в Рассказово, так бы в лаптях и ходили»[1].

Среди тамбовских «хлыстов»-постников был известен своим богатством И. А. Еремин — владелец большого участка леса и хутора в Ржаксинском уезде. Он тоже сплошь и рядом вовлекал верующих в секту, предоставляя им за это работу в своем хозяйстве.

Рассказовских постников часто называют анисьевца-

---

[1] Сб. «Современное сектантство». М., 1961, стр. 107.

ми по имени духовной жены Филиппа Копылова — Анисьи Ивановны Копыловой, которая после смерти мужа стала во главе постников. Во время правления Анисьи — «матушки», «богородицы» постники кланялись ей в ноги или падали на колени, обращаясь со словами: «Господи, помоги!» Все ее приказания исполнялись беспрекословно.

После ее смерти постничество дало две ветви. Одну возглавила крестьянка села Ржаксы, Кирсановского уезда, Тамбовской губернии, Настасья Якутина, другую — Дмитрий Николаевич Панферов, крестьянин села Рассказово.

Но еще раньше, сразу же после смерти Аббакума Копылова, в конце 30-х годов XIX в., в постничестве произошел раскол, выявивший новое течение в христововерии, так называемый «Израиль», или «Старый Израиль», во главе с Перфилом Катасоновым.

Руководитель этого течения рассматривал себя и своих приверженцев в качестве избранного народа «Израиля», которому якобы суждено возвести на земле «царство божие».

«Старый Израиль»

Перфил Катасонов прошел путь от наемного работника у Копылова до богатого арендатора водяных мельниц. Среди первых 16 последователей Катасонова 8 принадлежали к купеческому сословию, 4 — к помещичьим крестьянам, 3 — к государственным, 1 был мещанином [1].

Перфил Катасонов ставил своей целью упрочить власть «христа», т. е. личную власть, и постепенно добился в этом успеха. Купцов, торговых людей, ставших его последователями, такая политика вполне устраивала.

---

[1] Государственный архив Тамбовской области (ГАТО), ф. 4, оп. 54, ед. хр. 4, л. 127—128.

Среди «духовниц» Перфила особое место занимала одна — «маменька», которая «умоляла» его за весь «народ избранный». Но были и другие «духовницы». Катасонов несколько умерил аскетизм, царивший в постничестве, в частности отменил некоторые пищевые запреты: разрешил есть рыбу, лук, чеснок, картофель, оставив запрет лишь на мясо, вино и табак.

Непримиримо относился Катасонов к православной церкви, называя ее служителей «псами», «собаками».

Если постники под «мирским» понимали царство греха и плоти, где нет «святого духа», то для Катасонова «миром» было все человеческое общество, не признававшее в нем Христа. По учению Катасонова, рай — это народ избранный, народ «Израиля», и состоит он из «деревьев» — «верных» людей. Христианский миф об ангеле с огненным мечом у дверей рая объяснялся аллегорически. Ангел — человек, якобы обличавший Адама словом божьим, ибо слово божье есть «меч духовный».

В 50—60-х годах прошлого века секта Катасонова проникла в Воронежскую, Екатеринославскую, Ставропольскую губернии, в Донскую, Кубанскую, Терскую области. В 70-х годах ее общины существовали во многих селах и станицах Северного Кавказа, в губерниях Смоленской, Рязанской, Самарской и Астраханской. В 80-х годах число последователей Катасонова, по данным, приводимым С. Д. Бондарем, доходило до 25 тыс.

И тем не менее «Израиль» себя быстро изживал, ибо держался только на власти своего «христа». Как только Катасонов умер, «Израиль» распался. «Сделался страшный переполох,— по словам очевидца этого события, которые приводил В. Д. Бонч-Бруевич.— Главари объявили себя вождями, говоря, что батенька (так звали его) передал власть мне, а тот, говорит,— мне. И вот категорически заявили, что не надо нам вождя, его сло-

во в нас, и мы спасены... Образовались своего рода княжества: Воронежская губерния — Иван Марков, Донецкая область — Семен Бережнов, Устинья Ивановна, Тамбовская губерния — Матрена Максимовна и Авдотья Максимовна, Кубанская область — Роман Лихачев, Ставропольская губерния — Яков Клюшин, Георгиевск, Терской области,— Петр Данилович Лордухин, Владикавказ — Иван Фадеев и т. п.» [1].

На развалинах же «Старого Израиля» вырос «Новый Израиль» во главе с одним из руководителей катасоновских округов, теперь также «христом» — Мокшиным.

«Новый Израиль»

Основной массой «хлыстов» — последователей «Нового Израиля», по свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, служило исконное крестьянство. Второй по численности группой были «городские и станичные элементы: огородники, садоводы, мелкие торговцы, ремесленники и мастеровые, а также железнодорожные рабочие и служащие. Квалифицированных рабочих мало...». Встречались и «более зажиточные элементы: владельцы булочных и пекарен, собственники маленьких мастерских и ремесленных заведений, торговых складов, лавок и магазинов» [2].

Мокшин думал укрепить «Израиль», еще больше сконцентрировав власть у руководителей общины и пресекая всякие проявления «невежества» и «суеверий», каковыми он считал выступления рядовых верующих, обличающих пороки руководителей движения. Во главе же движения стояли представители крупной буржуазии. Реформы Мокшина отражали их интересы, и потому идеи «Нового Израиля» находили отклик во многих губерниях среди зажиточного «хлыстовства».

---

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества. Вып. 4, СПб., 1911, стр. LVI.

[2] Там же, стр. XLI.

В 1894 г. состоялся первый съезд сторонников «Нового Израиля». Мокшин на нем не присутствовал. Он умер несколько раньше. Но у «духовных христиан» и до сих пор сохраняется традиция, согласно которой глава движения еще при жизни выбирает себе преемника и готовит его для будущей деятельности. Мокшин выдвинул крестьянина Воронежской губернии Василия Семеновича Лубкова, который на съезде предложил план «нового домостроительства» и был признан очередным «христом».

«Новое домостроительство» Василия Лубкова

При Лубкове была произведена дальнейшая централизация, способствовавшая укреплению власти руководителей секты. Всю Россию Лубков считал «царством божиим», подчиненным ему, и делил его на семь «частей света», которым соответствовало семь поместных церквей «Нового Израиля». «Начальники стран» (руководители поместных церквей) назначались и смещались непосредственно Лубковым, руководители отдельных общин на территории той или иной «части света» избирались общиной также с согласия Лубкова. Постоянную связь с местами Лубков осуществлял через свой консультативный орган, состоявший из назначенных им «4 евангелистов», «12 апостолов», «12 пророков и 72 мужей равноапостольских», «7 архангелов». Высшая иерархия носила название «небесного кругозора». Иногда по особо важным поводам проводились съезды, но также с личного благословения Лубкова.

Как и многие религиозные течения, выступавшие вначале с протестом против церковной иерархии и чинопочитания, но приходившие в конце концов к традиционному церковному устройству, «Новый Израиль» в конце XIX в. оформился в своеобразную церковь с неограниченной властью руководителя, с твердым порядком

молитвенных собраний, исключающим всякую самодеятельность.

Идеалы, вдохновлявшие некогда христововеров, с развитием имущественного расслоения, с захватом власти в общинах людьми зажиточными улетучивались, ибо не могли объединять столь разных по своему социальному положению верующих. Именно поэтому Лубков вынужден был прибегнуть к силе для сохранения секты. И хотя он стремился убрать некоторые мистические элементы из культа израильтян, но делал это с оглядкой, понимая, что установившиеся традиции помогают в известной степени сохранению власти руководителей над верующими. В «Новом Израиле» вместо «духовного веселья», имевшего место на каждом собрании постников и «Старого Израиля», появились так называемые «содействия» — театрализованные представления, воспроизводившие события евангельской мифологии. Главным действующим лицом этих мистерий был сам Лубков. Избрание своих «евангелистов», «пророков», «апостолов», имевшее место в 1895 г., Лубков также «осуществил» в форме театрализованного действия под названием «Тайная вечеря», в которой сам разыгрывал роль Христа. Подобные «содействия» помогали Лубкову воздействовать на чувства верующих, оказывать эмоциональное влияние на членов секты [1].

Для изложения своего вероучения Лубков воспользовался евангельским сюжетом «нагорной проповеди» и театрализовал ее. Сцена была разыграна 20 октября 1900 г. Весь состав «небесного кругозора» принимал участие в церемонии. С проповедью к присутствующим новоизраильтянам обратился сам Лубков.

---

[1] Подробно см. об этом в кн.: *А. И. Клибанов.* История религиозного сектантства в России.

В 1905 г. в Пятигорске Лубков явился центральной фигурой мистерии «Преображение», в 1907 г.— мистерии «Восхождение на гору Сион».

Как это часто бывает, когда отдельные толки одного крупного течения теряют силу или отдельные религиозные течения перестают пользоваться былой популярностью, какое-то одно направление проявляет инициативу к объединению этих ослабевших течений. Такие явления характерны для всей истории сектантства в России. В начале нынешнего столетия за объединение христововерческих общин выступили последователи Лубкова.

Христововерие — течение буржуазное по своей природе — с радостью встретило царский манифест о свободе совести. В это время, когда социалистическое учение все глубже проникало в массы, в новоизраильских общинах распространялось послание Лубкова, в котором говорилось: «Социализм и другие предметы, не входящие в программу нашей жизни, допущены на вечерних собраниях практического богословия быть не могут» [1].

Официально везде и всюду новоизраильтяне говорили о своей любви к самодержавию и нейтралистской политике.

В решении съезда 1905 г. (Ростов-на-Дону) было записано: «Мы верные сыны царя и отечества; отбываем все требы, установленные законом, а так же и воинскую повинность, уважаем начальство, нуждаемся в покровительстве закона от насилия и несправедливости; мы не принадлежим ни к какой мятежной партии, по нашему вероучению, всякое возмущение против государственного строя и крамолы — противны господу» [2].

Такая позиция была свойственна всем направлениям христововерия. Манифест 17 октября 1905 г. дал ново-

---

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества. Вып. 4, стр. 171.

[2] Там же, стр. 120.

израильтянам возможность почувствовать легальную основу для активных действий.

Через пять недель после его опубликования было разослано послание ко всем руководителям христововерческих общин, приглашающее собраться на «первый всероссийский собор святого Израиля». Но что могло лечь в основу этого объединения? Разделенные на протяжении десятилетий на отдельные течения со специфическим характером организации и культа, раздробленные внутри общин классовыми интересами, «люди божьи» никак не могли вдохновиться идеей всеобщего объединения.

Намечавшийся съезд состоялся 3 февраля 1906 г. в Таганроге, но собрал одних новоизраильтян. На съезде присутствовали в основном новоизраильтяне областей Терской, Донской, Кубанской, представлявших богатое казачество. Естественно, что резолюции съезда были верноподданническими. Новоизраильтяне с трибуны съезда заявляли, что они желают, «чтобы все свободы, обещанные с высоты престола, были проведены в жизнь самим царем, который их обещал провести путем реформ и просвещения, но не мятежным движением и кровопролитием» [1].

Однако, несмотря на верноподданнические тенденции, новоизраильтяне не отказались от своих идей «царства божьего на земле». Хозяйства их, как правило, были экономически крепкими, и дальнейшему их развитию по буржуазному пути мешали лишь остатки крепостничества. В. Д. Бонч-Бруевич, который побывал во многих общинах новоизраильтян, обращал внимание на хорошую техническую оснащенность хозяйств, где «обрабатывают землю самыми усовершенствованными ору-

---

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества. Вып. 4, 1911, стр. 164.

диями, имеют паровые молотилки, паровые мельницы, множество плугов, дисковых борон и пр.» [1].

Чтобы как-то вырваться из паутины крепостнических отношений, Лубковым была предпринята попытка переселения своих приверженцев в Голодную степь. Однако она окончилась плачевно для переселенцев. На старых местах новоизраильтяне тоже не могли жить спокойно. Несмотря на манифест 17 октября и официально-лояльную позицию царизма в отношении сектантов, царская администрация не прекращала преследования новоизраильтян.

В 1910 г. наместник Кавказа издал циркуляр «О деятельности последователей секты «Новый Израиль»», на основании которого в Кубанской области до мая 1911 г. было закрыто шесть новоизраильтянских общин, а в 1911 г. были закрыты многие общины в Терской, Ставропольской областях, в Харьковской губернии [2].

Новоизраильтяне искали места приложения своего капитала. У Лубкова зародился план эмиграции за границу, для чего он отправился в Уругвай. Идея эмиграции, естественно, не встретила всеобщего одобрения среди сектантов. Слишком много корней было пущено в родную землю. Но пропаганда руководителей секты сделала свое дело.

В 1911—1912 гг. началось переселение новоизраильтян на целинные земли по течению реки Уругвай. Переселение продолжалось до начала первой мировой войны. За этот период времени туда выехало около 2 тыс. человек, что, по подсчету исследователей, составляло почти

---

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Отчет о поездке в Закавказье и Прикавказье для исследования сектантских общин. Сентябрь 1912. (Рукописный отдел Гос. библ. им. В. И. Ленина, ф. 369, л. 5). Цит. по кн. А. И. Клибанова.

[2] *А. И. Клибанов.* История религиозного сектантства в России, стр. 76.

10% секты. Большинство же сектантов не решилось оставить родину.

Переселение, хотя и незначительной по количеству группы новоизраильтян, было большим ударом по организации. Их покинул «христос». В секте начался разброд и явное угасание религиозного энтузиазма, искусно поддерживаемого ранее «небесным кругозором» во главе с Лубковым.

Октябрьская революция застала часть членов новоизраильтянских общин владельцами значительных земельных наделов, капиталистическими собственниками. Лишившись права собственности на землю, члены секты «Новый Израиль», подобно другим сектантам, стали видеть выход из положения в организации особых сектантских коммун, а затем сектантских колхозов, где можно было бы сохранить прежний жизненный уклад, продолжая эксплуатировать «меньшую братию».

Лубков в 1920 г., находясь в Америке, послал оставшимся на родине новоизраильтянам письмо с указанием организовывать и всячески поддерживать «коммуны». Это обращение нашло официальное решение в постановлении съезда русских новоизраильтян, созванного в станице Киселевской.

«Папа» Лубков и товарищество «Новый Израиль»

В середине 20-х годов в Сальских степях было создано товарищество «Новый Израиль». А в 1926 г. вернулся в Россию сам Лубков. Отношения господства и подчинения, царившие в религиозной общине «Новый Израиль», целиком перекочевали и в товарищество. Один из старейших колхозников, Василий Евтеевич Лысенко, в прошлом работник товарищества, рассказывал московским журналистам, как в 1927 г. пришел он на берег Маныча в поисках счастья, которое, по слухам, ждало каждого участника новоизраильской «коммуны».

«Зашел я в контору,— рассказывал Василий Евтеевич,— спрашиваю: как быть, с кем поговорить? Секретарь, молодой парень, чистенький такой, холеный, с бакенбардами и в заграничном пиджачке, отвечает мне: «Погоди, сейчас наш папа приедет...» Как на холопа посмотрел и отвернулся. Стал я ждать этого самого «папу». И вот смотрю — подкатывает автомобиль, американский драндулет с деревянными спицами в колесах, и вываливается из него «папа» Лубков. Животище вот такой, зубы золотые... А сыновья этого «папы» в гнилых землянках ютились» [1].

Обосабливаясь от инакомыслящих или инаковерующих, новоизраильтяне становились в оппозицию к Советской власти, что красноречиво подтвердил их съезд, созванный в 1925 году. По отношению к Советской власти съезд высказался отрицательно, призвал не платить налогов государству, на выборы не являться, «сынов в армию не отдавать». Вспомним, что на съезде в 1905 г. новоизраильтяне расшаркивались перед царским правительством, убеждая его в том, что они «верные сыны царя и отечества» и будут отбывать «все требы, установленные законом, а также и воинскую повинность».

Когда началась коллективизация, многие новоизраильтянские собственники были лишены земли и выселены как кулаки. Их отношение к Советской власти в то время было таким же злобным и антисоветским, как у кулаков, исповедующих любую другую веру. Диктовалось оно прежде всего их классовой принадлежностью. Свое враждебное отношение к Советской власти они старались привить и рядовым верующим. Однако жизнеутверждающая правда советской действительности заставила рядовых сектантов мало-помалу разочароваться в проповедуемых Лубковым и его приспешниками

[1] *А. Романов, А. Шамаро.* 30 лет спустя. «Наука и религия», 1961, № 5.

идеалах. Жизнь помогала им разобраться, где правда, а где ложь. Многие верующие стали покидать общины.

Строительство социализма в СССР привело новоизраильтян к краху. В настоящее время их общины насчитывают лишь десятки последователей.

На основе изучения состояния религиозности хутора Красный Октябрь, Ростовской области, и хутора Трофимовский были получены данные, свидетельствующие о том, как падало число последователей новоизраильского вероучения. На хутор Красный Октябрь в 1926—1927 гг. возвратилось из Уругвая 450 новоизраильтян. Несколько лет назад число жителей хутора составляло 1009 человек, а число израильтян сократилось на одну треть. Московский атеист Г. Долгов приводит следующую таблицу, характеризующую процесс отхода новоизраильтян от религии.

	Семей	Жителей	Взрослых	Детей
Общее число	293	1009	638	371
Новоизраильтян	80	296	212	84
В том числе верующих . .	50	151	127	24
в процентах	63	51	60	29
Отошедшие	30	145	85	60
в процентах	37	49	40	71
Процент новоизраильтян к общему числу жителей . . .	27	29	33	23

Тот же процесс характерен и для хутора Трофимовского, где верующих новоизраильтян осталось всего 10 человек, а отошло от секты (с членами семей) 30.

Религиозные принципы христововеров и современность

От некогда многочисленной, по нашим сегодняшним представлениям, «хлыстовщины» в настоящее время остались разрозненные общины, потерявшие былую крепость веры, сплошь и рядом нарушающие основные принципы «хлыстовского» вероучения и культа. Они, так же как их предшественники, укрываются от людских глаз, таятся от окружающих.

проводят свои собрания подальше от глаз посторонних. Но время все-таки размыло былую предубежденность «людей божьих» к инаковерцам и неверующим, и исследователям иногда удается вступить в личный контакт с «хлыстами».

Мы остановимся на описании современного состояния общины постников в городе Рассказове, Тамбовской области. Помимо рассказовских постников, в нее входят верующие из других сел области. Конечно, неправильно было бы придавать универсальное значение всем выводам, которые могут быть сделаны на основе опыта изучения современного сектантства в одном районе, однако нижеприводимые характеристики не являются чисто локальными, так как и одна община в бывшем центре постничества — показательный пример общих закономерностей, эволюции «хлыстовства».

В бывшей Тамбовской губернии «хлысты» подразделялись на толки анисьевцев и перфильевцев (рыбников). В 1908 г. эта секта была распространена в 31 населенном пункте губернии По приблизительным подсчетам, в губернии к этому времени было до 1500 «хлыстов». Особенно много последователей секты насчитывалось в Борисоглебском уезде (до 220), Кирсановском уезде (до 130) и селе Рассказове, Тамбовского уезда (до 120). В 1909 г. в Моршанском уезде были обнаружены и скопцы: в селе Атаманов Угол (8 человек) и селе Правые Ламки, Моршанского уезда (5 человек). В Тамбовской губернии довольно широко было распространено также субботничество (так называемые иудействующие), насчитывалось до 1800 баптистов, но самой распространенной сектой были «духовные христиане» — молокане, которых, по сведению дореволюционного исследователя М. Третьякова, было около 9 тыс.[1].

[1] См. *М. Третьяков.* Сектантство Тамбовской губернии. СПб., 1910 г.

К 1915 г. количество сектантов уменьшилось, хотя, по официальной статистике, их еще насчитывалось в губернии свыше 13 тыс. человек, в том числе 8 тыс. молокан, 2500 баптистов, 2300 субботников, 500 «хлыстов»[1].

В настоящее время в пределах Тамбовской области имеется около 200 «хлыстов» против 500 в 1915 г.[2] В 1959 г. в Рассказове была группа постников приблизительно в 40 верующих (в 1918 г. в самом Рассказове, по свидетельству одного из старейших постников, была община до 150 человек). Принимая во внимание, что в Рассказове оседали постники, переселившиеся из Саратова, Пензы и других мест, а также и то, что к рассказовской группе примыкали постники из ближайших пригородов Рассказова — сел Нижне-Спасское и Верхне-Спасское, Каменные Озерки, Подгорное, Березовка, численность той группы может быть определена в 80—100 верующих.

Нам удалось собрать сведения о 38 постниках Рассказова. Из них 34 — старше 60 лет, 4 — старше 50 лет. Что касается остальных сектантов, входящих в рассказовскую группу, но проживающих за пределами города, то и в их среде, по свидетельствам самих верующих, с которыми мы беседовали, молодежь отсутствует.

На общем фоне тамбовского сектантства секта постников выделяется тем, что ее члены, за единичным исключением, совершенно не работают в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях и т. п. Источником их существования является индивидуальное огородничество и садоводство; продукты, выращиваемые в раннее время года, постники продают населению по рыночным ценам. Имеют место и случаи оптовых закупок сектантами тех или иных продуктов широкого потребления с последующей перепродажей населению в условиях наиболее благоприятной для них рыночной конъюнктуры.

[1] ГАТО, ф. 316, оп. 56, д. 38, л. 37—38.

[2] Сб. «Современное сектантство». М., 1961, стр. 107.

Искусственно отгораживаясь от трудовых коллективов, от окружающих людей, постники продолжают находить «усладу» в атмосфере религиозного экстаза и мистики на молитвенных собраниях.

Как явствует из рассказа уже упоминавшегося постника С. И. В., в состояние религиозного экстаза, которое они называют «духовным весельем», их вводят песни, исполняющиеся на молитвенном собрании. В ритм этих песен постники постукивают ногами и похлопывают руками, с ускорением ритма начинается пляска — «хождение в духе». С. И. В. говорит: «Пляшут, как кто умеет, от души, от усердия. А некоторые, как пришитые, сидят и не шелохнутся. Кто до упаду пляшет, а кто два раза топнет» [1].

«Схождение благодати» у рассказовских постников, так же как у большинства религиозных мистиков, подготавливается постом. Так же, как и другие религиозные мистики, постники имеют «пророков», на которых «накатывает святой дух». В Рассказове «пророком» был 90-летний старик, пользовавшийся среди сектантов большим уважением за свою «девственную жизнь». Он выступал на радениях в качестве обличителя и прорицателя. О нем С. И. В. сказал: «У нас есть такие, что истину соблюдают. У нас на сто человек один старичок всю жизнь прожил младенцем. Бедный человек, ему ничего не надо, он и может сказать божественное слово» [2].

Беседы с современными постниками убедительно показывают, что это течение разлагается, идет к своему краху. Современные постники, по словам беседовавшего с нами последователя этого учения С. И. В., за свою веру «на ниточке держатся, а не на веревке». С. И. В. и другие рассказовские сектанты вынуждены говорить о

---

[1] Отдел рукописных фондов (ОРФ) Ин-та истории АН СССР, ф. Тамбовской экспедиции, 1959.

[2] Там же.

«настоящих постниках» в прошедшем времени. «У нас настоящих постников из сотни одного нету,— рассказывал С. И. В.— А в старое время, когда закон наш образовывался, то было их много». «Сейчас все разнузданно,— продолжал он о своих единоверцах.— Закон такой был — девственность, ни одного нету настоящего сейчас. Один тут старик немножко поддерживается. За проступок в старое время, кто родит у нас, два года на собрания не ходит». Наш собеседник, имея шестерых детей, считает себя «перед постницким законом преступником», но в то же время говорит: «Сейчас никто за это не отлучает. Сейчас 40 дней и то не хотят посидеть как следует (т. е. в знак раскаяния.— *И. М.*), а идут на собрание... Ослабло все!»

Примирение с нарушением традиционных в секте религиозных норм стало характерным не только для современного постничества, но и для других толков христововерия.

Практический отказ от аскетизма или же резкое ослабление его требований, наблюдаемое в современной «хлыстовщине», как справедливо отмечает А. И. Клибанов,— это отход не от каких-либо второстепенных пунктов «хлыстовского» учения, а от того, «что в глазах его проповедников в XVIII и XIX вв. составляло сущность этой секты».

СКОПЦЫ

Скопчество — логическое завершение «хлыстовского» аскетизма

Секта скопцов, отпочковавшаяся от христововеров в XVIII столетии, и секта «хлыстов» в дореволюционной миссионерской и даже научной литературе зачастую не различались. Действительно, нравственное учение скопцов можно считать логическим завершением «хлыстовского» аскетизма [1]. Однако смешивать эти две в целом родственные секты нет оснований. Для христововера высшее состояние нравственного совершенства — «принять в себя Христа, духа его»; для скопца — это физическое оскопление, с помощью которого он хочет достичь состояния, исключающего всякую возможность грешить. Чтобы избавиться от главного греха — «лепости», т. е. плотского влече-

[1] Е. Барсов, например, называл скопцов «хлыстовским монашествующим орденом». См. «Православное обозрение», ч. 1, 1873, стр. 311.

ния, необходимо, по учению скопцов, избавиться от «соблазняющих» органов и, кроме того, удерживаться от праздных разговоров и легкомысленного поведения. Необходимо «от всех слабостей удаление, как-то: вначале от женской лепости, а потом от клеветы и зависти, от чести и тщеславия, от гордости и самолюбия, от лжи и празднословия».

По учению скопцов, спасение верующего может гарантировать только оскопление — «огненное крещение», полное или частичное. Вначале половые органы отжигались раскаленным железом, со временем отжигание было заменено отсеканием бритвой или ножом. Часто операция проводилась поэтапно, с перерывом в несколько лет. Сначала верующий получал «малую печать», «садился на пегого коня» (операция удаления семенных желез), второй этап — получение «большой, царской печати» (полное удаление полового органа) — называлось «сесть на белого коня». Наиболее фанатичные скопцы имели «по пяти печатей», вырезая грудные мышцы и часть тела на боку.

Женщины-скопчихи отрезали себе груди. Впоследствии над ними также проводились операции «убеления», но они не лишались возможности рожать детей [1].

Христианское учение, как известно, с нескрываемым презрением относится к женщине, именуя ее «сосудом дьявола». Она рассматривается как существо низшее, подчиненное мужчине. А вот учение христововеров, скопцов, духоборцев и молокан в своеобразной форме создавало иллюзию, что поднимало женщину до положения, почти равного с мужчиной. Запрет рожать детей в «хлыстовстве» и оскопление в скопчестве делали жизнь женщины более легкой. Ведь сектанткам не надо было разрываться между детьми и хозяйством. Поэтому не

[1] См. *Н. Волков.* Секта скопцов. Л., 1931.

удивительно, что среди скопцов в дореволюционное время был довольно значительный процент женщин. Они не задумывались о том, что лишают себя радости материнства, уродуют себя физически. Иллюзия брала верх над реальностью.

По христианскому учению, тело всегда было стимулом греха, а потому «наибольшие праведники» истязали его. Этот дуализм плотского и духовного свойствен всякой религии, и скопчество, отпочковавшееся на Руси от христововерия, несмотря на гонения православной церкви, вполне может считаться наиболее последовательным христианским течением. В самом деле, чем отличаются фанатики-скопцы от тех христианских святых, которые живыми ложились в гроб, отдавали свое тело на съедение оводам и комарам или распинали себя «во славу божью»? И хотя скопцы толкуют Библию «духовно», обоснование скопчества они ищут именно в Библии, ссылаясь на Евангелие от Матфея, Евангелие от Луки, Послания к колоссянам и коринфянам, Откровение Иоанна и другие новозаветные книги [1].

Следует заметить, что, выступая против скопчества, православное духовенство обвиняло скопцов во «внешних подвигах благочестия», в то время как истинные

---

[1] Скопцы, например, ссылаются на такие новозаветные изречения: «А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем. Если же правый глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, и если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя. Ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело было ввержено в геенну» (Матф., гл. 5, ст. 28, 29, 30); «Блаженны неплодные и утробы не родившие и сосцы не питавшие» (Лука, гл. 23, ст. 29); «И взглянул я, и вот агнец стоит на горе Сионе и с ним 144 тысячи, у которых имя отца его написано на челах. Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники» (Откровение Иоанна, гл. 14, ст. 1, 4).

христиане якобы должны помышлять о «внутреннем», а не о «внешнем».

Исследователи скопчества отмечали, что члены секты посещали православные богослужения, совершали требы у православных священников. Думается, что одна из причин этих посещений была та же, что и у христововеров,— боязнь преследования со стороны царского правительства. В то же время следует заметить, что основатель скопчества Кондратий Селиванов в своих «Посланиях» хотя и называл православное духовенство «наемниками», «душевными мучителями», но в то же время признавал за православной церковью благодать, правда, благодать «только по пояс». Следуя указаниям своего руководителя, скопцы зачастую называли себя православными верующими.

Вероучение и культ скопцов

По своему вероучению скопцы несколько отличаются от христововеров. Основная идея христововеров — постоянные «перевоплощения» Иисуса Христа в избранных людей. Скопчество занимает здесь иные позиции. Для скопцов основатель их секты Кондратий Селиванов и есть тот богочеловек, тот самый Иисус Христос, который пришел в мир. Появление Селиванова — это второе пришествие, которое якобы было предсказано ранее. По учению скопцов, Иисус Христос проповедовал скопчество и в «свое первое явление в мир».

«Второй «Христос»», явившийся в лице Селиванова, пришел «во славе», для того чтобы вновь принести людям единственно спасительное крещение — крещение «огнем», т. е. оскопление. Правда, выделившись из христововерия, скопчество, естественно, в некоторых своих толках сохранило христововерческую идею многократного воплощения Христа в избранных людей. Но с самого начала Селивановым проводилась явная тенденция на са-

модержавное, царственное управление всеми общинами, о чем он заявлял и в специальном «Послании», говоря, что «пришел в мир... сокращать пророков».

Мифология скопцов допускает появление и других «искупителей», которые должны являться в мир, когда люди «забывают истинное учение о спасении». Это уже «новоскопчество», которое в известной степени воскрешает христововерие. Однако мысль, что Данила Филиппович не только «Христос», но и царь, никогда в христововерии не появлялась.

Если «христы» в христововерии «рождались» от монашек, ничем, кроме праведной жизни, не отличавшихся, то скопческая легенда о появлении Селиванова возводит его к царице Елизавете Петровне. И, «узнав об этом чудесном рождении, вся вселенная перекрестилась, земля и небо обновились, ангелы, архангелы и все небесные силы помолились, а стены ада повалились». Таким образом, по вере скопцов, Селиванов, «родившись» чудесным образом от Елизаветы, был сыном божьим и одновременно русским императором Петром III.

Согласно скопческой легенде, Елизавета, процарствовав два года, передала престол внешне похожей на нее фрейлине, а сама удалилась в Орловскую губернию, где и жила под именем простой женщины Акулины Ивановны. А Селиванов, он же наследник престола Петр Федорович, в юношестве принял оскопление и, заключив брак с Екатериной, занял русский престол. Затем, по рассказам скопцов, когда обнаружилось, что к брачной жизни он не способен, Екатерина возненавидела супруга и стала ждать удобного случая, чтобы избавиться от него. Такой случай представился, как только Петр III уехал из Петербурга на осмотр войск. Его подданные, по наущению жены, отреклись от него и присягнули Екатерине, которая предложила Петру отказаться от престола в ее пользу. Но «Петр III не восхотел насла-

ждаться временным житьем, а лучше согласился с народом божьим страдать» (т. е. со скопцами.— *И. М.*). Это одна из историй, живших в устных и письменных рассказах скопцов об отречении Петра III.

Селиванов, в представлении скопцов, был царем, который по праву должен занять престол Российский. Вероятно, поэтому скопцы стали селиться ближе к центру России, к Москве и Петербургу. Кроме того, если учесть, что оскопление служило порукой в экономической поддержке богатыми сектантами бедных, скопцы могли направляться в большие города безбоязненно, надеясь на опеку своих имущих единоверцев. Как свидетельствуют исторические источники, самой крупной скопческой молельней в Москве была молельня у торговца пушным товаром Колесникова, которого лично знала Екатерина II. Давали приют скопцам и другие купцы.

Выросшее на почве христововерия, скопчество формировалось в полемике с ним. Идеологи скопчества обвиняли христововеров в отступлении от «истинной» веры, в нарушении аскетических запретов.

Естественно, что подобные проповеди были встречены «людьми божьими» враждебно. И лишь в двух «кораблях», где правили «матушки» Анна Романовна и Акулина Ивановна, их приняли благожелательно. Вскоре Селиванов приобрел верного помощника — Шилова, с которым они начали проповедь более смелую и открытую. Орловская, Тульская, Калужская, Московская и Тамбовская губернии были местами первых скопческих проповедей. Первые сведения о скопцах дошли до правительства в 1770 году, когда был оскоплен уже не один десяток людей. «Белые голуби», как именовали себя члены секты, были наказаны кнутом и сосланы в Сибирь и в Ригу.

Стремясь усилить воздействие на верующих, сам Селиванов особое значение придавал так называемым «бе-

седам», во время которых «должно со страхом и трепетом службу продолжать». Благодать божья, по мнению скопцов, сходит на верующих на молитвенных собраниях, радениях, очень напоминающих радения «хлыстов». Собираясь в больших комнатах или специальных домах, именовавшихся «Иерусалимом», «Сионской горницей», присутствующие образовывали круг и под пение «распевцев» шли друг за другом. Они ходили «стенкой», «кораблем», «крестиком» и т. д., кружась все быстрее и быстрее под звуки «духовных» песен.

Выделившись из христововерия, скопцы, естественно, сохранили многое из того, что свойственно «хлыстовству». Так же как и в «хлыстовских» «кораблях», в «кораблях» скопческих были свои «пророки» и «пророчицы», которые «могли знать, что делается в Москве и Киеве и когда будет урожай хлебу, а когда и недород, или кто богат или беден, и о всяких человеческих приключениях».

Радения преследовали цель поддерживать религиозный дух единоверцев. Порядок молитвенного собрания скопцов во многом был похож на порядок «хлыстовских» собраний. Входившие кланялись земным поклоном «братьям» и «сестрам», сидевшим по разные стороны в избе, произносили принятое приветствие и чинно садились, держа в руках платки. Как правило, на собрание скопцы надевали белые рубахи, подпоясываясь поясом, женщины — белые кофты.

Радение требовало длительной духовной и физической подготовки верующих. Оно, по словам членов секты, приносило им истинную «духовную радость».

Объединенные не только общей идеологией, вероучением, но и общим уродством, скопцы подчас чувствовали себя подлинными «братьями». В действительности же, как было сказано выше, «братство» скопцов проявлялось прежде всего в материальной поддержке бедно-

ты богатыми членами секты, без особого ущерба для последних.

О скопчестве можно говорить и как о религиозно-экономической организации.

В XVII и XVIII вв. в царской России торговым людям приходилось туго из-за налогов, притеснений правительства и др. Крепостническая система сдерживала развитие широкой торговли. Потому и велись поиски кооперативных сообществ, которые способствовали бы деятельности торговых людей. Одним из первых сообществ такого рода в те годы были скопческие, молоканские и другие религиозные объединения. Уже к концу XVIII — началу XIX вв. состояние скопцов-торговцев и промышленников оценивалось в десятки миллионов рублей. Скопцы-миллионеры, так же как христововеры, старались поддерживать хорошие отношения со светской администрацией и православной церковью, ублажая их ценными подарками и подношениями. А это влияло на отношение властей и православного духовенства к скопцам и христововерам — «миллионщикам».

Мистически настроенная придворная аристократия не раз посещала скопческие и «хлыстовские» радения. А Селиванов, по свидетельству современников, человек недюжинной воли и ума, благословлял Александра I на войну с французами и посылал члена секты скопцов купца Колесникова к Александру I с просфорой и благословением. «Был от государя и от вдовствующей государыни Марии Федоровны щедро награжден и, кроме того, имел жалованные от государя три богатых кафтана».

Вряд ли, учитывая все это, может вызвать удивление, что в 1804 г. скопцы выдвинули «Проект о переустройстве России и божественной канцелярии». В нем заключалось требование привлечь к управлению государством скопцов, ибо только они будто бы «являются

носителями божественной благодати». По проекту Селиванов должен был стать главным советником царя, а другие скопцы — находиться при офицерах в армии, при градоначальниках и т. д.

При всей курьезности подобного предложения в нем было заложено реальное желание и даже больше — реальная возможность скопцов, обладающих миллионными состояниями, влиять на ход государственных событий. И хотя Селиванов был осужден и сослан, скопцы не переставали терять надежды на осуществление своей мечты.

За тот период, что скопцы испытывали благожелательное отношение царского двора, секта распространилась во многих губерниях России: в Орловской, Тамбовской, Нижегородской, Владимирской, Калужской, Тульской, в Риге, Москве, Петербурге и в других районах страны.

По некоторым сведениям, только в Москве в начале 20-х годов XIX в. количество скопцов достигло тысячи человек.

Скопцы не раз привлекались к суду, их наказывали, ссылали. Но они твердо держались своей веры. В конце XIX в. царским правительством было сослано в Сибирь около 2 тыс. скопцов, которые образовали 10 скопческих поселений.

Эволюция скопчества

Мало кто из скопцов, несмотря на преследования, отказался от своего вероучения, но классовые противоречия, зревшие в недрах русского общества, раздирали и скопческие общины. Особенно ярко проявились эти противоречия в ссыльных поселениях скопцов. По сведениям, приведенным советским исследователем Н. Волковым, только в одном якутском селении Спасском в 1888 г. из 152 домов 36 совсем не имели земли, а 23 имели лишь небольшие участки, перекупленные у ку-

лаков[1]. Не удивительно, что якутскому губернатору от имени скопцов-бедняков было подано заявление с просьбой помочь им получить у богатых «братьев» землю, «пресечь произвол, допускаемый богатыми скопцами, и защитить угнетаемых ими из-за корысти бедняков»[2].

Этот протест бедноты, как и следовало ожидать, ни к чему не привел. Скопцы-кулаки не только не пошли на какие-либо уступки, но постарались оклеветать ходока, который передал прошение губернатору, и добились его высылки в места еще более дальние.

Подобные противоречия зрели во многих общинах. Немало сектантов-скопцов начинало понимать, какой ложный путь в жизни они избрали. С этими противоречиями встретили скопческие «корабли» Октябрьскую революцию. И вот тут-то беднота смогла своими глазами увидеть, что вовсе не на тех путях она искала своего счастья. Беднейшее крестьянство получило землю, а богачи лишились своих капиталов. Но, хотя революция и подорвала корни сектантства, скопчество сразу не умерло, о чем свидетельствовал ленинградский процесс скопцов, проходивший в апреле — мае 1929 г. Выяснилось, что и в 1929 г. был еще «жив» скопческий царь Петр III, который должен был вот-вот «вострубить в золотую трубушку», распространялись рукописные и машинописные скопческие «распевцы», «страдания» и появлялись новые жертвы скопческой агитации.

Процесс напугал скопцов, заставил их уйти в еще более глубокое подполье, но деятельность свою они не прекратили. Напротив, они усилили антисоветскую агитацию, увеличили выпуск подрывной литературы, которую распространяли среди верующих. Приведем одно из стихотворений этого типа.

---

[1] *Н. Волков.* Секта скопцов. Л., 1931, стр. 113.

[2] Там же, стр. 117.

В нашей северной столице,
В славном Питере во граде,
Есть от духа глагол новый
Про теперешнее время,
Перед нами годы льются,
Словно бурные потоки,
Мысли наши в даль несутся,
А судьбы идут глубоки.
Мир во мраке цепенеет,
Возвышается наукой,
Везде красно знамя реет,
Дух безбожный всюду веет,
Теплота сердец не греет,
А природа все стареет,
Все меняется на свете,
Красно солнце редко светит,
А современные годы
Не хотят признать Советы.

Человечество безбожное
Пишет верным подорожные,
А избранные слуги божии
В жизни стали неосторожны,
А как стали дни тревожные,
Стали гордые, многосложные,
Руки к небу поднимают,
А любви не понимают,
Сердца свои пожимают,
Царя явного ожидают,
Мыслями в свете витают,
А в сердцах верхушки тают,
А наш батюшка родимый
В чистых сердцах обитает.
И он духом с нами вместе,
Вот вам, други, его вести,
Богу слава, честь, держава,
Во веки веков, аминь! [1]

После Октябрьской революции скопцы привлекались к судебной ответственности по обвинению в распространении религиозного суеверия, «связанного с материальными выгодами для одних, и в умышленном нанесении телесных повреждений, примененных мучительным способом». Скопческие организации, насчитывавшие иногда несколько сотен человек, обычно примерно на одну треть состояли из оскопленных, остальные были «приведены», но не оскоплены и работали, как когда-то, в домашних мануфактурах, по 16—18 часов в сутки за скудную еду и «духовную пищу» в виде скопческих радений. Иначе говоря, здесь продолжала процветать откровенная капиталистическая эксплуатация. Конечно, Советская власть не могла мириться с этим. Деятельность скопцов вызвала к жизни последующие скопческие процессы: Саратовский в декабре 1929 г. и второй — Ленинградский — в январе 1930 г. Скопцы привлекались к ответственности

[1] *Н. Волков.* Секта скопцов, стр. 131.

и в других местах [1]. Советская власть вела решительную борьбу с изуверством скопцов, с эксплуатацией бедноты главарями секты.

Однако и в конце 20-х годов скопцы в своих «открытых» письмах пытались обосновать необходимость физического оскопления людей, стремились доказать, что это единственный путь к нравственному совершенству.

В настоящее время скопчество в прежнем виде практически исчезло в нашей стране. В отдельных областях сохраняются небольшие группы, порой состоящие из нескольких человек, так называемых «духовных» скопцов. Их приблизительно можно сравнить с теми «приведенными», но не оскопленными, которые посвящаются в скопческий культ, но не кастрируются. От современных скопцов их наставники требуют аскетизма, выполнения скопческих заповедей, но, по сути, это модернизированное скопчество должно носить уже другое название, так как оно живет только былыми легендами, но потеряло главный принцип веры — оскопление.

---

[1] Н. Волков рассказывает, что поводом к аресту в Москве некоторых скопцов послужил такой случай. Прислуга и работница-чулочница московского скопца Петра Петровича, у которой вследствие удаления обеих грудей долго не заживали раны, помешалась и, убежав из дома, кинулась в Москву-реку топиться, но ее вытащили. Перед постовым милиционером она распахнула кофту и сказала: «Вот что сделали со мною скопцы». См. *Н. Волков.* Секта скопцов, стр. 139.

ДУХОБОРЦЫ

Из истории духоборчества

Вслед за христововерием и скопчеством во второй половине XVIII в. появилась религиозная секта духоборцев.

Уровень социального развития России XVIII в. уже не способствовал выделению из крестьянской среды в массовом масштабе аскетов типа «хлыстов» и скопцов. Крестьянский протест рождал поборников строительства «царства божия» на земле, сторонников «не буквы, а духа», ибо «буква убивает, а дух животворит».

Духоборцы утверждали, что они «духом богу служат и духом бодрствуют». Отсюда и их название. Возводя свое происхождение к библейским персонажам Ананию, Азарию и Мисаилу, которых вавилонский царь Навуходоносор «за упорство в вере» повелел бросить в огонь, духоборцы проводили параллель между ними и собой и подчеркивали, что готовы так же страдать за свою веру, за отказ поклоняться иконам, за отрицание обрядов православной церкви.

Имеется и другая версия. Духоборцы — это якобы бранная кличка, данная сектантам православными попами. Так, в частности, считал один из вождей духоборцев П. Чистяков, предложивший духоборцам называться «членами духовной общины Христа».

«Не светлый луч, почему-либо блеснувший в голове русского человека, заставляет его искать спасение души в ложном учении,— писали православные миссионеры,— а невежество и разнузданность или же отсутствие всякого воспитания и любви к отечеству — это в том случае, когда последователем сектантства является личность образованная» [1].

На самом же деле духоборчество было формой социального протеста крестьян, главным образом государственных. И разрыв с официальным православием и проповедь равенства всех перед богом имели относительно прогрессивное для того времени значение, хотя и не удовлетворяли представителей крестьянства и казачества, жаждавших активных действий.

Провозглашенные духоборцами принципы содержали в себе зерно демократического протеста в учении о том, что отношения людей как внутри общины, так и внутри государства должны быть основаны на взаимной любви и уважении, ибо «все люди братья». Распространяя эту мысль на государственное устройство, духоборцы в отдельных случаях не считали постановления властей для себя обязательными. Это было в тех случаях, когда требования властей противоречили, как говорили сектанты, их совести, например, когда речь шла о ношении оружия и участии в военных действиях.

Первыми вождями духоборчества, появившегося во второй половине XVIII в., историческая литература называет крестьян, выходцев из христововеров, Силуяна

---

[1] *М. Каменев.* Духоборческая секта. СПб., 1905, стр. 6.

Колесникова и Иллариона Побирохина, а также крестьянина села Уварова, Борисоглебского уезда, Тамбовской губернии, Семена Уклеина, красноречивого проповедника, который в самом начале духоборческого движения расколол его, образовав новую секту «духовных христиан — молокан». «Духовное христианство являлось идеологией религиозной оппозиции православию со стороны тех крестьянских элементов, которые в своей хозяйственной независимости ушли дальше, чем оброчные крестьяне, составившие основные кадры христововерия»,— пишет А. И. Клибанов. Эти крестьянские элементы «были более самостоятельными в своем отношении к рынку и менее обременены патриархальными традициями и предрассудками» [1].

Духоборческая проповедь нашла отклик прежде всего среди государственных крестьян Воронежской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Астраханской, Екатеринославской, Харьковской, Таврической и других губерний.

Жестокие преследования духоборцев со стороны властей несколько затормозили распространение духоборчества. Здесь сказалась и насильственная локализация духоборчества, когда членов секты переселяли в 1805 г. в Таврическую губернию, затем в 1841—1845 гг. в необжитые места Закавказья. Однако, несмотря на весьма неблагоприятные природные условия: каменистые равнины, окруженные горами, весенние и ранние осенние морозы, недостаток воды не только для орошения, но и для питья, духоборцы сумели акклиматизироваться в незнакомой среде, и вскоре их села стали отличаться своей зажиточностью среди других сел. По данным исследователей экономической жизни крестьян в середине 80-х годов XIX в., поселения духоборцев имелись в Ахал-

[1] *А. И. Клибанов.* История религиозного сектантства в России, стр. 53.

калакском уезде, Тифлисской губернии, в селах Богдановка, Горелое, Ефремовка, Орловка, Родионовка, Спасское, Тамбовка, Троицкое — всего 6323 жителя; в Барчалинском уезде, в селах Армашени, Башкичет, Караклис, Русский — 809 человек, а всего по губернии — 7132 человека. В Елизаветпольской губернии духоборцы жили в селах Новогорелое, Ново-Спасское, Славянка, Ново-Троицкое. Их насчитывалось 2277 человек. В Карской области, в селах Гореловка, Кирилловка, Спасовка, Терпение, Новопокровка, Троицкое,— 12 805 человек. Кроме того, около 200 духоборцев проживало в Эриванской губернии. Незначительные их группы имелись в Терской области и в Дагестане. В Ахалкалакском уезде духоборцы, составляя приблизительно 16% населения, сосредоточили в своих руках около 35% земельной площади, 20% крупного рогатого скота, 43% мелкого рогатого скота (тонкорунные овцы), 70% лошадей отличных пород. В то время как средний душевой надел у населения уезда составлял 2,32 десятины на человека, у духоборцев он составлял 5,07 десятины [1].

Почти каждое духоборческое хозяйство имело плуг, а многие — веялки, что опять-таки свидетельствовало о зажиточности сектантов. Но так как многие районы поселения духоборцев не были благоприятны для занятия земледелием, основной статьей доходов становилось тонкорунное овцеводство.

Духоборческие хозяйства складывались на основе тех же социально-экономических отношений, которые господствовали в тот период в России, а именно на основе эксплуатации батраков и наемных рабочих как из среды своих единоверцев, так и из среды коренных жителей Закавказья.

---

[1] См. *А. И. Клибанов.* История религиозного сектантства в России, стр. 90—92.

Когда зажиточным духоборцам представлялась возможность воспользоваться общественными пастбищами, они делали это бесцеремонно, не заботясь о бедноте, оставляя скотине бедняков лишь голую землю. Нанимая своих «братьев по вере» в батраки, духоборцы платили им по 25 рублей в год, заставляя работать в летнее время по 16 часов в сутки.

Чтобы представить зажиточность «средней», по словам духоборцев, семьи, можно привести характеристику хозяйства семьи Веригиных из села Славянка, Елизаветпольского уезда. Веригины имели 3 тыс. овец, 70 лошадей, водяную мельницу и мануфактурные лавки. Они нанимали работников из окрестного населения и единоверцев-бедняков.

Постепенное имущественное расслоение внутри общины привело в конце концов к идеологическому размежеванию, к образованию двух партий, так называемой «большой», состоявшей в основном из бедняков, и «малой», состоявшей из зажиточных духоборцев и прибегавшей к помощи царской администрации для «укрощения» своих единоверцев.

Вероучение духоборцев

В основе духоборческого вероучения лежат общехристианские принципы, связанные с верой в загробную жизнь и посмертное воздаяние. Служение и поклонение богу «духом и истиною» — главный догмат исповедания духоборцев. Они разделяют веру в троицу, но каждое лицо «святой» троицы объясняют аллегорически: бог-отец — это память, бог-сын — разум, бог-дух святой — воля. Причащение хлебом и вином духоборцы не приемлют, считая, что это обыкновенная пища и «ничего душе нашей не пользует», понимая под причащением «внутреннее восприятие в себя силы божьей, которая есть Хрис-

тос; а таковое причащение... проницает человеческий разум сквозь костей и мозгов»[1].

Специфичным для духоборчества является утверждение, что не Библия — источник «священных» заветов и предписаний, а «слова» духоборческих вождей, псалмы и записи, составленные самими духоборцами и собранные ими в так называемую «Животную книгу».

Библию духоборческие вожди всегда называли «хлопотницей», говоря, что в ней есть много непонятного для простых людей. Они заявляли, что пользование Библией может привести «к разделению» среди духоборцев. Правда, Библия не отвергалась категорически духоборцами, но идеологи секты считали необходимым давать к ней свои собственные «пояснения». Так, один из вождей духоборцев Петр Веригин чудеса Моисея объяснял следующим образом: «То место Библии, где говорится, что Моисей ударил жезлом по скале и из скалы потекла вода, надо понимать так: «Моисей только указал, где вырыть колодец, и когда вырыли колодец, то в нем оказалась хорошая вода»». Пример весьма характерный.

Как известно, в Библии имеется немало противоречий. Духоборцы считали необходимым говорить о них, чтобы тем самым придать больший вес высказываниям своих вождей. Например, в Послании к римлянам (гл. 13, ст. 1) говорится: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога, существующие же власти от бога установлены...» В Послании же к ефесянам (гл. 6, ст. 12) есть такие слова: «Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных»...

---

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Духоборцы., вып. 5., 1907. Изд. «Посредник», стр. 16.

Эти две выдержки дают противоречивые указания верующим, и, приводя их, Петр Веригин имел основание сказать: «Хотя апостол Павел был мудрый человек, но он своей мудростью кое-что напутал. Сейчас я с вами живое евангелие...» [1]

Духоборцы в своих представлениях о боге продолжили христововерческую традицию, согласно которой бог «пребывает в роде праведных и воплощается в избранных людей». Отсюда пошли духоборческие живые «боги и богородицы» (Петр Веригин, Лукерья Калмыкова и др.).

Однако мистика христововеров, учение о схождении святого духа во время молитвенных собраний, духоборцам чужда. Видный деятель духоборчества, один из его основателей — Илларион Побирохин поучал, что «бога в собственном существе нет, а пребывает он в роде праведных». Основываясь на таком представлении о боге, он называл себя сыном божьим. Другой наставник духоборцев — Силуян Колесников говорил о необходимости поклоняться богу друг в друге, «яко есь мы начаток созданием его и есма между всеми творениями в мире живо начертанное рукою его изображение, образ бога на земле» [2].

Петр Веригин, которого духоборцы называли «господний», в трактате «Разумение о Христе» отмечал: «Начало жизни человека здесь на земле, следующее бытие — в вечности. Христу потому надо было прийти на землю, что он видел вечную жизнь и потому мог уверенно благовествовать о бессмертии человека в духе, ежели только человек пожелает перейти в бессмертие — вечную жизнь... Человеку дорого признать и уверовать вечную жизнь. Смысл жизни человека в том, чтобы все бо-

---

[1] «Искра», Канада, Гранд Форкс, 1959, № 728, стр. 7.

[2] См. *И. Юзов.* «Русские диссиденты». СПб., 1881, стр. 131.

лее и более совершенствоваться, познавать мировые законы и волю безначальной силы. Телесной жизни недостаточно, чтобы человек хотя относительно узнал мировые законы, чтобы далее совершенствоваться разумением. Вторично человек рождаться телом не будет, а возрождаться только духом, принимая оболочки все более и более совершенные, согласно духовному разумению. Человеку необходимо перерождение для совершенствования, познания мировых законов и укрепления веры в бессмертие. Здесь на земле только возрождена вера»[1].

По духоборческому преданию, все умершие через шесть недель после смерти получают каждый по заслугам (не дожидаясь второго пришествия Христа).

Члены секты признают бога некой высшей творческой силой, а Иисуса Христа — сыном божьим, пришедшим на землю во плоти, чтобы возвестить человечеству истинный путь жизни. Так, по словам духоборцев, только человек, уверовавший в Христа и исполняющий закон божий, унаследует вечную жизнь. Духоборцы говорят, что основная цель членов «Союза духовных общин Христа» — «достижение вечной жизни в неизреченной радости»[2]. Отсюда сущностью человеческой жизни провозглашается духовное, вечное, а не материальное, тленное.

Вероучение — программа практической деятельности для верующих, определяющая их отношение к самым различным вопросам: к политике, войне, национальному вопросу, экономическому устройству. Ссылаясь на учение Христа, духоборцы говорят, что все люди — дети одного отца-бога и посему братья между собой. Поэтому они считают всех людей, независимо от расы, национальности или вероисповедания, равными, имеющими

---

[1] «Искра», Канада, Гранд Форкс, 1959, № 729, стр. 3—4.
[2] «Искра», Канада, Гранд Форкс, 1962, № 870, стр. 61.

равное право на жизнь и земные блага. Однако это не мешает им делать выводы, которые мы встречаем, например, в заметках духоборца П. Н. Малова «Путешествие за океан»: «Чем считать соединение разных рас — благом или вредом? Одни из пассажиров были за такой брак, другие против. Но был между пассажирами один ученый, он, конечно, решительно высказался против таких браков; он утверждал, что, если все расы начнут смешиваться, произойдет полное вырождение. Человек и физически и умственно выродится. Это, конечно, будет его погибелью».

Человек в процессе жизни, считают идеологи духоборчества, может стать «чудным, дивным творением божьим». Для этого он должен избегать «рабства тления», которое означает «похотение плоти, желание земных благ, преходящих, тленных — богатства, славы, власти» [1].

На обложке выходящего в Канаде духоборческого журнала «Искра» начертан лозунг «Труд и мирная жизнь». Духоборцами он разъясняется так: «Трудиться, добывать себе пропитание, не порабощать другого и не пользоваться его трудом для насыщения своей алчности и жадности. Довольствоваться самым малым и необходимым для телесного пропитания, поделясь с другими не только излишком, но и необходимым...» [2]

Однако можно без труда увидеть глубокое расхождение между лозунгами и практикой жизни современных духоборцев за рубежом, имеющих наемных работников, эксплуатирующих чужой труд и т. д.

Когда-то буржуазный экономист М. И. Туган-Барановский назвал общину духоборцев «величайшей в мире коммунистической организацией», «одной из старинных

---

[1] «Искра», Канада, Гранд Форкс, 1959, № 727, стр. 2.
[2] Там же.

коммунистических сект России»[1]. Правда, с первой же страницы своей книги Туган-Барановский оговаривался, что элементы коммунистического строя не получили у духоборцев широкого развития и не сложились в определенную, законченную коммунистическую организацию. Однако, если мы вспомним историю духоборчества, свидетельствующую об индивидуалистических склонностях членов секты, об их стремлении вести личное хозяйство, не объединяя имущество, об эксплуатации, которая имела место в «духобории», мы неизбежно придем к выводу, что утверждения Туган-Барановского далеки от истины. И действительно, он не может доказать «коммунизма» духоборцев. Ведь нельзя же считать «зачатками коммунизма» у духоборцев лишь «широкую милостыню», помощь неимущим и религиозно-нравственные воззрения членов секты.

Призывая своих последователей вернуться к идеалам первоначального христианства, руководители духоборчества предлагали утопическую программу действий, в которой видели выход из социальных противоречий, свойственных духоборческим общинам. Идеолог «большой партии» П. Веригин, находясь в царской ссылке, в 1893 г. сформулировал новую программу, которую переправил в Закавказье своим сторонникам. Программа состояла из следующих основных положений:

1. Эксплуатация наемного и всякого иного зависимого труда несовместима с христианством.

2. Имущественное неравенство подлежит уничтожению путем равного дележа имущества богатых между бедными по добровольному согласию богатых.

3. Подлежат уничтожению стимулы, ведущие к накоплению богатств, для чего следует:

---

[1] См. *М. И. Туган-Барановский.* Величайшая в мире коммунистическая организация (община духоборов). М., 1918.

а) ограничить размеры хозяйства настолько, чтобы оно отвечало необходимости лишь простого воспроизводства деловой жизни, что требует максимального «опрощения» образа жизни верующих (быта, одежды, пищи и т. д.);

б) прекратить браки, а состоящим в них отказаться от половых связей, чтобы рост семьи не вызывал необходимости в дополнительных средствах для ее поддержания.

4. Пребывание на военной службе, как связанное с насилием, несовместимо с христианством.

Однако практика духоборческой жизни не соответствовала выдвинутым ими лозунгам. Эксплуатация единоверцев продолжалась вплоть до Октябрьской революции и сохраняется в духоборческой среде за границей и по сей день.

Нравственные принципы духоборцев в идеале и в действительности

Мы уже приводили высказывания духоборцев, характеризующие их нравственные принципы. Эти высказывания сводились к определению духоборческого нравственного идеала, который они видели в христианском равенстве и братстве. Характерно, что этого идеала, по их словам, достигнуть невозможно. В духоборческом журнале «Искра» прямо говорится: «Этого идеала невозможно добиться на сто процентов, но к нему можно приблизиться».

Для «духовного христианства», особенно для духоборчества и молоканства, характерна особая трактовка догмата «о спасении». Не личная вера, не благодать и заступничество «святых» могут обеспечить людям спасение, а только те «добрые дела», которые совершает человек при жизни. Этим якобы обеспечивается счастье и в земной жизни, ибо в зависимости от того, насколько люди приближаются к нравственному идеалу, настолько

они и будут счастливы. Учение о «добрых делах» создавало впечатление действительного человеколюбия духоборцев. Даже царские чиновники отмечали, что «образ жизни духоборцев основан на честнейших правилах и важнейшее их попечение относится ко всеобщему благу, и спасение они чают от благих дел». Все это, конечно, при более детальном анализе выглядит иначе.

Когда в конце прошлого века значительная часть членов секты переселилась в Канаду, то лишь около 200 переселенцев, обосновавшихся на землях Принца Альберта, решили иметь общий скот. При этом общность скота была весьма относительной. Вначале он распределялся по жеребьевке. Тот, кому выпал счастливый жребий, соответственно исключался из следующей жеребьевки. Приплод же был общественный и также раздавался по жребию.

По жребию было решено разыгрывать домашних животных до тех пор, «пока все хозяева не будут иметь по паре лошадей, по одной корове, несколько штук овец, кур и прочей живности...» [1]. Скот и потом должен был считаться общественной, а не частной собственностью, хотя животные и находились в пользовании того или другого домохозяина.

Орудия производства: плуги, бороны, косы и другой инвентарь — покупались на общественный счет и хранились у каждого домохозяина. Земля также не делилась и обрабатывалась сообща, а полученный продукт делился подушно.

В свободное время каждый член общины мог заниматься чем угодно, и доход от его работы шел в личное пользование.

---

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Духоборцы в канадских прериях, Пг., 1918, стр. 99.

На земли Принца Альберта вместе с зажиточными духоборцами пришло 40 семейств бедняков. Они были приняты в общину на следующих условиях: «Им будут давать лошадь на пахоту, но за каждую десятину, вспаханную себе, они должны вспахать десятину тому, кто даст лошадь; кроме того, их детей-рабочих всех разослали на работы, и бедняки должны, до тех пор пока будут пользоваться чужими лошадьми и не заведут своих, отдавать половину выработанных на стороне денег детьми тем, кто согласился давать лошадей» [1].

Некоторым беднякам пришлось наняться работниками к богатым фермерам-духоборцам.

На этих примерах можно видеть и лицевую и оборотную сторону медали христианского равенства. Да и не только на этих примерах.

Многие исследователи сектантства отмечали, что духоборцы всегда относились с одинаковым почтением и к мальчишке, и к старику, и к женщине, и к мужчине. Внешне так оно и выглядело. Однако действительное отношение к женщине мало чем отличалось от господствовавшего в то время. Нетрудоспособность женщины, даже если это было вызвано ее болезнью, служила достаточным основанием для развода. В этом случае женщине возвращалось имущество, принесенное ею в семью мужа. Она получала денежный расчет, сообразно ее трудовым затратам в семье мужа, исходя из норм годовой оплаты труда одной батрачки.

Не надо думать, что лишь тяжелые экономические условия заставляли духоборцев поступать подобным образом. В том-то и дело, что такого рода поведение определялось принципами их вероучения. Вероучение всегда тесно связано с повседневной жизнью и деятельностью людей, его исповедующих. Оно — своеобразная установ-

---

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Материалы к истории современного сектантства и старообрядчества. Вып. IV, стр. 98—99.

ка, основа мировоззрения, основа выбора пути в достижении той или иной цели.

Вероучение духоборцев идеологически оформляло индивидуализм, способствовало развитию буржуазного предпринимательства и классового неравенства. Этим же целям всегда служила и организация духоборцев.

Ну, а как же оценить те действия духоборцев, которые могут вызвать благожелательное отношение честных людей. Члены секты, например, выступают в защиту мира. Они выразили официальный протест против разбойничьей войны США во Вьетнаме.

В июне 1967 г. верующие «Общества духоборцев» Канады и «Союза духовных общин Христа», собравшись на свой праздник, от имени собрания послали обращение в ООН с требованием прекратить войну во Вьетнаме.

Отчетливо сознавая, какие ужасы несет в себе будущая война, духоборцы организуют пацифистские демонстрации, выступают против подготовки к новой кровавой бойне, против испытаний ядерного оружия.

В сообщении Московского радио от 2 октября 1969 г. упоминалось о большой, собравшей более 7 тыс. человек демонстрации, которая прошла в канадской провинции — Британской Колумбии, районе, где проживает много канадцев русского происхождения, в т. ч. духоборцев. Демонстранты требовали запрещения подземных ядерных испытаний. Демонстрация была вызвана непосредственной угрозой, которую создавало соседство острова Амчитка, где американцы запланировали провести ядерный взрыв, району Британской Колумбии.

Борьба за мир, поддержка по отдельным вопросам политики Коммунистической партии Канады не может не вызвать у советских людей чувства одобрения. Однако это не значит, что духоборцы в целом симпатизируют коммунизму, видят в нем верный путь к социально-

му преобразованию общества. Нет, они продолжают верить в правильность избранного ими пути, не замечая того, что именно этот путь уводит их в сторону от решения насущных проблем современности.

Земная основа божественной власти вождей духоборцев

На вопрос о власти духоборцы отвечают: «Веруем и исповедуем Иисуса, сына божьего, Христа, пришедшего во плоти и распятого. Он есть наш единственный вождь, спаситель и надежда. Нет под небом и быть не может другого имени, которым надлежало бы спастись человекам...».

Однако всякая организация, а духоборцы всегда имели организацию, иначе они не могли бы существовать и выстоять как самостоятельное религиозное течение, должна иметь земное руководство.

Внутренняя жизнь духоборческой общины в XIX в. формально регулировалась так называемыми «старичками», людьми не обязательно старшими по возрасту, но наиболее почитаемыми среди верующих. Однако совет «старичков» был лишь совещательным органом, который собирался от случая к случаю и голос которого не всегда был решающим. Во главе организации стоял ничем не ограниченный во власти руководитель — живой «бог» или «богородица». По свидетельству самих идеологов движения, главной отличительной чертой духоборцев, после отрицания всех внешних церковных обрядов и догм, была «их нерасторжимая связь со своими руководителями». Как пишет видный деятель духоборчества П. Н. Малов, «руководители играли первенствующую роль в духоборческом движении: они были учителями, вдохновителями, утешителями и выразителями духоборцев как вначале, так и до сих пор. Все движение и вся история духоборцев переплетается с жизнью и историей руководителей. Как христианство немыслимо без Христа, так духоборчество немыслимо без руководителей».

Руководители этой религиозной организации обладали абсолютной властью. Как правило, они сами определяли средства и способы действия духоборческих групп. Они были и остаются главными судьями и посредниками во всех важных делах.

Логическим развитием такого авторитарного лидерства явилась сохранившаяся в этом религиозном течении и до сего времени традиция передачи власти по наследству.

Первым официальным руководителем духоборческого движения считается Силуян Колесников, основатель екатеринославской группы духоборцев. После его смерти руководителем стал Илларион Побирохин, торговец шерстью в Тамбовской губернии. После Побирохина духоборцев возглавил Савелий Капустин — один из наиболее знаменитых вождей движения, которого называли духоборческим Моисеем, так как именно ему удалось объединить духоборцев трех губерний и переселиться с ними в Таврию.

Капустин умер в 1818 г. На духоборческий «престол» взошел его сын Василий, носивший фамилию отца жены — Калмыков. Василий Калмыков умер в 1832 г., и тогда руководство перешло к его сыну Лариону. После него был небольшой период, когда управлял совет «старичков», ибо дети Лариона были малы. Затем руководителем стал Петр Ларионович Калмыков. Умер он в 1864 г. Власть в свои руки взяла его молодая жена — Лукерья Васильевна Калмыкова, объявившая перед своей кончиной, что на место руководителя она назначает Петра Васильевича Веригина.

Эта небольшая историческая справка дает возможность видеть, что переход власти по наследству составлял практически нерушимый принцип в духоборчестве в течение многих лет.

В конце XIX в. местом пребывания руководителей секты стало село Горелое в Тифлисской губернии. Не только моральная поддержка, но и экономическая помощь, в которой так нуждались духоборцы, переселенные в необжитые места, оказывалась им через Сиротский дом, ставший одновременно и своеобразной резиденцией руководителей и их семейств и центром сосредоточения общественных богатств. У духоборцев, как пишет их историк П. Малов, существовала «своего рода общественная касса, или вспомогательный фонд, состоящий как из наличного капитала, так и из разного хозяйства и имущества... Весь капитал Сиротского дома собирается из добровольных пожертвований самих духоборов и служит источником пособия во всех несчастных случаях... и вообще во всех случаях при нуждах... Сиротский дом и все, что при нем, считается общественным достоянием и находится под управлением и распоряжением духоборческого руководителя»[1].

Кроме денежного капитала во владении Сиротского дома находились пахотные земли, пастбища, лошади, крупный и мелкий рогатый скот. Дом этот имел свои филиалы на местах, куда регулярно поступали взносы от членов секты из расчета от 20 фунтов до пуда зерна на душу.

При переселении духоборцев им прежде всего выделялись суммы на хозяйственное обзаведение. Это было единовременное пособие, помогавшее быстрому укреплению хозяйств духоборческих сел. При стихийных бедствиях первая помощь пострадавшим оказывалась также из капиталов Сиротского дома. Но главной функцией Сиротского дома, которая не нуждалась в афишировании, как отмечает А. И. Клибанов, была функция

---

[1] *П. Малов.* Духоборцы, их история, жизнь и борьба. Париж, 1948, стр. 98.

банка, финансировавшего предпринимательскую деятельность крупных духоборческих собственников скотоводческих и зерновых хозяйств. О финансовых возможностях Сиротского дома можно судить по тому, что к 1886 г. его капитал оценивался более чем в полмиллиона рублей.

В связи с тем что духоборцев селили на землях, которые местное население привыкло считать своими, между сектантами и старожилами происходили столкновения. Это вынуждало секту содержать при Сиротском доме своего рода военную организацию, так называемых «казачков», что в общем-то противоречило вероучению духоборцев и проповеди ненасилия. Но сам характер власти «живого бога», требовавшего себе царских почестей, логически подводил к этому.

А «живые боги» были окружены поистине царскими почестями. Любопытное описание приезда «богородицы» — Лукерьи Калмыковой к духоборцам села Славянка оставил Петр Веригин. «Во время ее посещения,— писал он,— никто не оставался за домашнего присматривать дом. Известие о ее приезде с быстротой распространялось по всем селам, и все, кому только было возможно, спешили приехать в Славянку для встречи. Первая встреча делалась верст за тридцать. Впереди — верховые на лошадях, человек двадцать, а затем все, кто мог, как из Славянки, так и из других сел, выезжали верст за восемь на границу своей земли. Встречали всегда с хлебом и солью и с пением духовного псалма, и когда за версту показывалась ее бричка, весь народ приходил в движение. С одной стороны, радость, а с другой — чтобы все было по порядку» [1].

Повседневный наряд «богородицы» состоял из цветной юбки и рубахи, вышитой затейливым узором крас-

[1] *П. Веригин.* Не в силе бог, а в правде. Париж, 1935, стр. 24.

ными и синими шелками, и кофточки, надетой поверх. Голову прикрывал небольшой платок. Праздничным нарядом было платье европейского покроя с бархатной кофтой, вышитой золотым узором.

«Царствовала» Лукерья Калмыкова до 15 декабря 1886 г. После ее смерти потомства не осталось, что послужило поводом к серьезным раздорам внутри духоборчества, так как по традиции, установленной еще Савелием Капустиным, власть должна передаваться обязательно по наследству как по мужской, так и по женской линии, как через «законных» детей, так и через «незаконных».

Претендентов на опустевший «престол» было несколько. Главными из них были Петр Веригин, бывший помощником Калмыковой, и Михаил Губанов, поддерживаемый Алексеем Зубковым — представителем зажиточных кругов. Зубкова, в свою очередь, поддерживали гражданские власти. Большое доверие, которое испытывали к П. Веригину духоборцы, давало ему надежду на возможность избрания. Кроме того, имелось завещание Л. Калмыковой, согласно которому ее преемником должен был стать Веригин. Однако фактическая власть, опиравшаяся на военную силу, была на стороне А. Зубкова. Капиталы Сиротского дома юридически были оформлены на Л. Калмыкову и, следовательно, после ее смерти переходили к родственникам, в частности к ее брату Михаилу Губанову, которого Зубков хотел сделать своим ставленником.

Выборы нового руководства должны были состояться 26 января 1887 г., в день памяти Калмыковой. К этому времени духоборцы разделились на две партии. Одна из них надеялась на избрание Губанова, другая требовала выбрать Веригина, последний к тому времени провел среди верующих большую агитационную работу и предстал в их глазах «борцом за справедливость», ибо рато-

вал за возвращение «общественного достояния», каковым рядовые члены секты считали имущество и капиталы Сиротского дома, всему обществу.

После поминального обряда по Калмыковой один из старейших духоборцев, Махортов, предложил собравшимся отдать поклон новому руководителю — Петру Веригину. Как пишет исследователь духоборчества С. Ф. Рыбин, «большая часть толпы упала на колени... а меньшая часть осталась стоять на ногах».

Но с сильными мира сего соперничать не просто, даже если соперничество не выходит за рамки той или иной религиозной организации. Раз гражданские власти поддерживали Губанова, то у Веригина оставалось немного надежды, несмотря на поддержку большинства сектантов.

В тот же день, когда состоялись выборы, Веригин был арестован, а затем сослан. Наиболее преданные его сторонники, в том числе и Махортов, были также отправлены в ссылку. Ссылка Веригина и его сторонников способствовала окончательному размежеванию духоборцев на партии. Сторонники Веригина, которые, по некоторым источникам, насчитывали примерно 11 тыс. человек, составили так называемую «большую» партию, сторонники Губанова (примерно 2 тыс. человек) — «малую» партию. «Малая» партия объявила «духовным руководителем» Марию Тихонову, которая при жизни Калмыковой находилась при ней, а после смерти стала считаться восприемницей «божественного духа» Калмыковой. Фактическим же правителем являлся А. Зубков.

В 1887 г. на Кавказе была введена общая воинская повинность. Многие духоборцы, которые придерживались принципа ненасилия, вынуждены были поступиться своим вероучением и подчиниться гражданским законам.

Представители «малой» партии, которые не раз обращались к правительственной администрации за поддержкой, почти не противились новым требованиям. Сторонники П. Веригина, напротив, высказывали свое возмущение законом о всеобщей воинской повинности и летом 1895 г. сожгли все имевшееся у них оружие.

Акт сожжения оружия 29 июня 1895 г. остался в памяти духоборцев незабываемым героическим подвигом. В 1959 г. выходящий в Канаде духоборческий журнал «Искра» напечатал список имен верующих, которые были брошены в тюрьмы за отказ от военной службы.

Однако и после обрушившихся на них репрессий духоборцы продолжали надеяться на бога и царскую «милость», которую испрашивали неоднократно в своих обращениях на августейшее имя. И лишь постоянные отказы в ответ на просьбы, дальнейшее притеснение со стороны гражданских властей привели членов секты к крайнему решению — выехать за границу.

Духоборцы в Канаде

24 февраля 1898 г. из канцелярии тифлисского губернатора духоборцу Ивану Обросимову была выдана следующая справка:

«По поводу ходатайства, принесенного на августейшее ее Императорского Величества государыни Императрицы Марии Федоровны имя, духоборами-постниками, выселенными в 1895 году, из Ахалкалакского в другие уезды Тифлисской губ., о сгруппировании означенных духоборцев-постников на жительство в одном селении с освобождением от воинской повинности, или же о разрешении всем им выселиться за границу последовало распоряжение:

1. Освобождение их от воинской повинности не удовлетворено, и

2. духоборцы-постники, за исключением, конечно, находящихся в призывном возрасте и не исполнявших во-

инской повинности, могут быть увольняемы за границу при условии:

а) получения заграничного паспорта в установленном порядке;

б) выезда из пределов России на собственный счет;

в) выдачи при выезде подписки о невозвращении впредь в пределы империи, имея ввиду, что, в случае неисполнения сего последнего пункта, виновный подвергается высылке в отдаленные местности.

Ходатайство же их о сгруппировании на жительство в одном селении не уважено» [1].

Представители русской либеральной интеллигенции, ознакомившиеся с положением сектантов, пытались помочь им. Обращались к правительству с призывами проявить внимание к судьбам духоборцев, организовали сбор денежных средств. Когда духоборцы приняли решение о переселении за границу, великий русский писатель Л. Толстой передал им весь свой гонорар за роман «Воскресение».

За два года, 1898—1899 гг., в Канаду выехало более 7700 членов секты.

Перед отъездом в Канаду духоборцы все свое имущество и свои деньги внесли в общую кассу. Когда же по прибытии в Канаду им предложили обменять деньги, оказалось, что многие богатые члены общин припрятали деньги и, таким образом, с самых первых шагов на чужой земле было восстановлено экономическое неравенство. Этот факт, как и многие другие, показывает, что сознание духоборцев было далеко не коммунистическим, как о том твердили некоторые исследователи.

Первый урожай, полученный в Канаде, был очень скуден. Духоборцев ожидала голодная зима. И только

---

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Духоборцы в Канадских прериях. Петроград, 1918.

с помощью пожертвований деньгами, продуктами, вещами, скотом, которые присылались из России, Англии, Швейцарии, США, духоборцы смогли продержаться.

Неудача не обескуражила переселенцев. Труд и упорство сделали свое дело. Уже через год дела пошли на поправку: был собран обильный урожай.

Но в жизни переселенцев было немало и других трудностей. Назрел конфликт с правительством Канады.

По действующему в Канаде закону, земельные участки — гамстеды (1 гамстед = 160 акров) передавались в индивидуальное владение, и поэтому канадское правительство требовало, чтоб полученная земля записывалась не на всю общину, а на отдельных лиц. Кроме того, канадское правительство требовало, чтобы духоборцы придерживались принятой в стране регистрации браков, рождений и смерти. Духоборцы отказались исполнять требования властей. Они протестовали против вмешательства правительства, как они считали, в их внутренние отношения, заявив, что желают покинуть Канаду, и опубликовали переведенное на несколько языков «Обращение канадских духоборов ко всем людям».

Правда, и в тот период среди духоборцев не было единства. Бо́льшая их часть, около 4 тыс. человек, решительно отказалась выполнять требования администрации Канады, меньшая, наиболее зажиточная, которая и поселилась отдельно, в основном в провинции Принца Альберта, подчинилась этим требованиям. Из группы зажиточных выделилось 10 семейств, расселившихся хуторами. Пример оказался заразительным, и вскоре вся община в провинции Принца Альберта стала распадаться на хутора.

Наряду с духоборческими единоличными хозяйствами в Канаде сформировались и общественные хозяйства.

Некоторые духоборцы все земледельческие орудия, весь скот имели в общинном пользовании. В первые же годы их пребывания в Канаде созрела идея о более широком хозяйственном объединении, о слиянии многих общин в одну с целью экономической стабилизации. Инициатором этого движения был один из видных духоборцев-постников — Потапов.

Однако предложение Потапова встретило оппозицию в лице единоличных хозяев, которые указывали на практические трудности такого объединения общин, расположенных территориально на десятки и даже сотни километров друг от друга.

И хотя переселенцы Северного участка все же добились объединения, в результате социальных противоречий этот союз общин очень быстро распался.

В 1902 г. канадскими духоборцами было получено известие, что П. Веригин едет в Канаду. Около 2 тыс. из них с женами, детьми двинулись навстречу вождю. Так они поздней осенью прошли более 350 *км,* страдая от голода и холода, пока канадские власти силой не посадили их в вагоны и не отправили обратно.

В самом факте этого похода сфокусировалось многое, характерное для вероучения, ориентации, идеологии духоборцев, в частности их отношение к своему вождю, как к богу, и религиозная экзальтация, и надежда на выход из критического положения, в которое поставили себя члены секты.

Приехавший Веригин стал во главе умеренной партии. Небольшая часть фанатично настроенных духоборцев не одобрила попытки Веригина ликвидировать конфликт с канадским правительством. Они образовали группу так называемых «свободников», сохранившуюся до наших дней.

В 1907 г. встал вопрос о принятии членами секты канадского подданства. На одном из заседаний П. В. Ве-

ригин сказал: «Братья и сестры, за себя я скажу так: если мы примем подданство хотя бы только на стариков, то мы тем самым удаляемся от Христа по крайней мере на две тысячи лет». После таких слов о принятии подданства не могло быть и речи.

Это решение поставило духоборцев в трудное положение. Канадское правительство обошлось с ними довольно сурово. Они были согнаны с занятых ими земель и вынуждены были переселиться в провинцию Британская Колумбия. Только те из них, кто принял канадское подданство, сохранили свои участки, но отошли от общей массы «братьев во Христе».

Жизнь в Британской Колумбии была трудной и выработала особые правила поведения общинников, к которым дети приучались с раннего возраста. Всеми силами духоборческие руководители стремились сохранить свои традиции, зорко следили за поддержанием строгих порядков. Они призывали верующих к скромности, строгости, ибо видели, что «порядок в доме» держится на волоске.

Правила, предписывающие разного рода ограничения в жизни духоборцев, были вызваны в первую очередь экономической необходимостью. Но как только сектанты наладили свое хозяйство в Британской Колумбии, экономически окрепли, строгость по отношению к поведению членов общин ослабла. П. Малов пишет, что уже в 1916 г. можно было заметить перемену. Духоборцы стали посещать лавки и близлежащие города, узнали про кино, познакомились с водкой, стали курить табак и есть мясо. В это время с особой отчетливостью обнаружилось экономическое и социальное разложение в секте. «Старшие и конторщики почувствовали в себе силу и старались всеми способами развить и укрепить в своих руках эту силу. К ним присоединилось большинство из родственников Петра Васильевича и некоторые из его

приближенных. Таким образом в общине образовался свой привилегированный класс, своя аристократия»[1].

Кстати, Веригин не одобрял поступавших от верующих предложений о смещении нечестных работников с должностей, оправдывая свою точку зрения тем, что вряд ли новые работники честнее старых. «Такова должность, что редко, кто может устоять против соблазна. Ведь и эти люди были честные и хорошие, пока они не вступили на эту должность... Для нас разницы нет: воровать будут и те и другие. Но лучше не подводить новых братьев под соблазны. К тому же эти люди приловчились к своей должности, а новых людей обучать возьмет время. У нас ведь мало людей грамотных и знающих английский язык»[2].

Естественно, многим людям не без основания казалось, что Веригин покровительствовал мошенникам и скрывал их.

В своем исследовании П. Малов пытается утверждать, что в секте при Веригине были «полностью развиты демократические принципы». Однако факты свидетельствуют об ином. На деле тираническая власть П. Веригина не давала простора для развития каких-либо демократических принципов. «Посмотрите на своего вождя — он стал посмешищем на всю Канаду, на всю Америку! — писал один из духоборцев в письме, адресованном «Союзу молодежи духоборцев в Канаде».— Вождь духоборцев! Пьяный и развратный, ругатель, матерщинник, скандалист... Он развращает ваших сестер, дочерей, матерей, жен. Он бьет вам рожи, а вы смиренно говорите: «Спаси, господи, родимый Петюшка».

Веригин приехал в Канаду и привез с собой П. И. Бирюкова, который должен был начать среди вас ши-

---

[1] *П. Е. Малов.* Духоборцы, их история, жизнь и борьба, стр. 15.
[2] Там же, стр. 129.

рокую просветительную работу, и им был составлен план этой работы, но ваш вождь — любитель выпивок и матерного слова — не дал ему возможности привести этот план в исполнение. На свои кутежи и попойки он растратил десятки, сотни тысяч ваших трудовых денег и не дал и цента на школы, на книги, на просветительную среди вас работу, ибо он знает, что просвещенные люди не будут держать у себя такого мракобеса за вождя» [1].

Автор этого письма, подписавшийся псевдонимом Диогент, не одинок в подобных оценках П. Веригина. Властный, не терпящий возражений, руководитель духоборческого движения чувствовал себя удельным князем, которому все дозволено творить в своей вотчине. А в удельных княжествах, конечно, никогда не были в чести демократические принципы.

Недовольство П. Веригиным среди рядовых верующих росло с каждым днем. И вполне закономерен был финал его правления. Он «неожиданно» погиб от взрыва бомбы, подложенной в вагон поезда, на котором в 1924 г. ехал в Гранд Форкс.

После смерти П. В. Веригина некоторое время был период «междуцарствия», затем вождем духоборчества стал Петр Петрович Чистяков (он умер 11 февраля 1939 г., прожив в Канаде 12 лет). Он много занимался объединением духоборцев, учредил по участкам библиотеки, русские школы, организовал «Союз молодежи». С его помощью был выработан протокол 1928 г., в котором показано духоборческое понимание браков, судов и т. д.

Название «Союз духовных общин Христа» было предложено Чистяковым в 1938 г. (членов «Союза» обычно называют «ортодоксальными духоборцами»). Приступив к организации «духовных общин Христа», он осе-

---

[1] Архив Музея истории религии и атеизма (МИРА) г. Ленинграда, ф. 6, оп. 1, № 94.

нью 1938 г. созвал съезд делегатов из общин, вошедших в «Союз». С июля 1961 г. руководителем этой организации стал И. И. Веригин.

Кроме ортодоксальных духоборцев, как они себя называют, в Канаде имеется еще «Общество именованных духоборцев», которое редакция «Искры» определяет как «близкое и родственное нам общество, стремящееся осуществить идеалы духоборческого вероучения и борющееся за мир и братство народов согласно этим идеалам — не участием в насилии и убийстве».

Выше, на некоторых примерах, мы сделали попытку показать, что духоборцы никогда не являлись коммунистической организацией, как твердили о том некоторые исследователи. Современная жизнь духоборцев в Канаде показывает, что они все чаще склоняются к отказу от принципов общинности, верх берут частнособственнические интересы. И хотя многие сектанты лелеют мечту о возвращении на родину, среди них немало и таких, кто практически утратил всякую связь с родной землей. А жизнь в условиях капиталистического строя наложила весьма серьезный отпечаток на их идеологию, психологию, на их подход к реальным практическим вопросам. И от прежнего демократического духа, который был присущ духоборцам, осталось весьма немного.

К чему пришло духоборчество

Тот путь, который избрали духоборцы, оказался утопическим. Идеи обобществления имущества, создания религиозных коммун — несбыточными, ибо основа для этого была ненадежной.

Что касается того пути, который открыла перед крестьянством Советская власть, то он попросту был отвергнут сектантами. Не случайно, когда в 1921 г. в Москве был созван Всероссийский съезд сектантских сельскохозяйственных и производительных объединений, он отказался рекомендовать сектантам вступать в колхозы.

В материалах I Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных и производственных объединений есть следующий документ: «Главный интерес съезда, в связи с сообщением Биценко, сосредоточился на вопросах: 1. О желательности применения к сектантским коллективам единого общегосударственного хозяйственного плана. К применению такого общего плана съезд отнесся отрицательно. 2. О нераспространении на сектантские коллективы продналога и сохранении за ними системы разверстки. По этому вопросу съездом была принята резолюция о желательности отмены системы продовольственной разверстки также и для сельскохозяйственных коллективов».

Духоборцы заявляли о своем принципиальном отказе от коллективизации: «Так как мы по примеру канадских духоборцев-общинников живем общиной-коммуной, то, значит, у нас есть колхоз, но в предлагаемый нам колхоз мы не можем войти потому, что мы люди религиозные и любим трудиться с мыслью о боге и молитвой на устах...»

Совершенно естественно, что подобное решение было принято не представителями беднейшего крестьянства, которых на съезде почти не оказалось. Ведь во главе сектантских общин, как правило, стояли представители зажиточных крестьянских кругов. Они-то и были в большинстве случаев избраны делегатами съезда. А у них имелись свои принципы, свои взгляды, обусловленные их социальной принадлежностью. Эти принципы провозглашались общими для всех сектантов. Само собой разумеется, что свой отпечаток накладывало на них религиозное мировоззрение. Единственно реальным принципом для объединения людей объявлялась единая религиозная вера.

Жизнь показала полную несостоятельность духоборческих утопий. Она оказала большое влияние на изме-

нение сознания и психологии верующих. Процесс прогрессивного развития нашего общества увлек за собой и духоборческие общины. Несмотря на некоторое сопротивление, части зажиточных духоборцев, рядовые верующие в конечном итоге включились в колхозное строительство. А это в первую очередь пошло на пользу самим духоборцам.

Исследователи, побывавшие в 50—60-х годах в духоборческих селах Грузии, отмечают большие изменения в быту сектантов: вытеснение ручного труда сельскохозяйственными машинами, механизацию трудоемких работ, электрификацию поселков. Многие духоборцы служат в государственных учреждениях, учатся в высших учебных заведениях. И хотя часть из них продолжает ходить на молитвы, посещать «святые места», чтить Лукерью Калмыкову, духоборчество сейчас носит не столько религиозный, сколько этнический характер.

Во всех духоборческих селах имеются восьмилетние или полные средние школы. В каждом селе — клубы, библиотеки и стационарные киноустановки. Среди духоборцев много героев Великой Отечественной войны. За трудовые заслуги 12 духоборцев в 1966 г. получили правительственные награды.

По наблюдениям исследователей, верующие в «духобории» составляют около трети населения этих сел. Они ходят в традиционной духоборческой одежде: мужчины — в черкесках, женщины — в длинных тяжелых юбках, светлых кофтах, с надетыми поверх них жилетами, с платками на головах, в пестрых чулках, в башмаках с блестящими металлическими каблуками. Две святыни неизменно присутствуют в их высказываниях — мир и труд. Этим социальным ценностям верующие приписывают религиозное происхождение и санкционируют их религиозно.

В настоящее время духоборцы в Советском Союзе

представлены в основном потомками «малой» партии. А. И. Клибанов, побывавший осенью 1968 г. в духоборческих селах Грузии: Богдановке, Родионовке, Тамбовке, Гореловке, Ефремовке, Орловке, Спасском и Калинино, отмечает, что до сих пор на взаимоотношениях жителей духоборческих сел сказывается старинная вражда, приведшая в свое время к разделению духоборцев на партии. Признавая упадок духоборчества, верующие из Гореловки возлагают ответственность за него на духоборцев остальных сел, пошедших некогда за «Каином» — Веригиным и тем самым погубившим «Авелев род».

От окрестного населения духоборцы отличаются главным образом своеобразной материальной и духовной культурой, создавшейся на протяжении не одного десятилетия в окружении иноязычного населения, в условиях преследования царской администрации и православной церковью. Духоборцы, живущие вне Центральной России, осознают себя своего рода народностью, этнической общностью, отличной не только от нерусского населения Закавказья и других мест, но и от русских, живущих в Центральной России.

От веры духоборцев осталось немногое. Многие принципы, которые еще несколько десятилетий назад казались незыблемыми, сейчас практически забыты. Если и есть у верующих желание сохранить былые традиции, то оно не столь уж крепко. Все более тесными становятся связи «с миром», а внутриобщинные связи слабеют. И если они сохраняются до сих пор, то можно с уверенностью говорить, что идут постепенно к полному распаду.

МОЛОКАНЕ

Из истории развития молоканства

Секта молокан — одна из старейших русских сект, возникновение которой относится к XVIII столетию. Между духоборчеством и развивавшимся параллельно с ним молоканством много общего. Но существуют и различия. Если духоборцы видели в «духовности» некий универсальный, отвечающий природе божества принцип жизнепонимания, и различали три духовных начала — память, разум и волю, которые именовали богом-отцом, богом-сыном и богом-духом, обходясь без Библии, то молокане свое понимание бога основывали именно на Библии. Это, естественно, в большей степени роднило их с православием и другими христианскими направлениями, основывавшимися на библейских принципах.

Относительно названия секты существует несколько версий. Одна из них исходит из того, что члены секты именуются молоканами потому, что считают свое учение

«молоком духовным». Другая версия определяет название местом поселения сектантов на реке Молочные воды. Согласно третьей, молокане стали называться так потому, что в «постные дни», по средам и пятницам, пьют молоко, в то время как православные верующие во время поста молоко не употребляют.

Пожалуй, последняя версия является наиболее достоверной, так как «молоком духовным» свое учение называют не только молокане, но и представители других религиозных течений. С другой стороны, название «молокане» появилось раньше, чем представители этой секты поселились на реке Молочные воды.

Сами себя молокане называют «духовными христианами-молоканами», считая, что учение их основывается не на букве, а на духе учения Христа.

Молокане говорят, что они свободны в своих суждениях, и выводят из писания «духовный смысл, а не буквальные понятия», толкуя много иносказательно, символически, «переводя опыт прошлого на настоящие явления жизни».

Идеологом раннего молоканства считается уроженец Тамбовской губернии крестьянин Семен Уклеин, выступивший со своей проповедью во второй половине XVIII в. Социальную среду молоканства составляли в первую очередь крестьяне-однодворцы и крестьяне-отходники, мелкие и крупные торговцы и промышленники — представители нарождавшейся буржуазии. Но можно вполне определенно говорить, что это религиозное течение охватило самые широкие слои города и деревни.

«Распространение молокан в первой половине XIX века было огромно,— писал В. Д. Бонч-Бруевич.— Они не только заселили Ставропольскую губернию, не только жили в Крыму, но также жили целыми поселениями в Тамбовской, Воронежской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерниях; переселялись в большом коли-

честве в Сибирь, Закавказье, Среднюю Азию, на самые отдаленные восточные окраины государства Российского и везде и всюду страстно проповедовали свое учение»[1].

По данным официальной статистики, за 1909 г., «к концу первого десятилетия XX века число молокан в губерниях центра достигало 13 400 человек (Тамбовская, Воронежская, Рязанская, Владимирская), в поволжских губерниях —28 400 (Самарская, Саратовская, Астраханская, Нижегородская, Симбирская), на Кавказе —21 300 (Тифлисская, Эриванская, Карская области), наконец, на Дальнем Востоке —28 400 человек (Амурская область)»[2].

По статистическому отчету 1912 г., всего молокан в России насчитывалось около 140 тыс.[3]

Молоканство в целом являлось выражением протеста широких народных масс против крепостничества, против тяжелых условий жизни, против произвола и деспотизма царского самодержавия. Облеченный в религиозную форму, этот протест был пассивным, не выходил за рамки обычных религиозных представлений. Но все-таки это был протест, что в известной степени определило отношение царизма к новому религиозному течению.

Одним из главных пунктов религиозной программы секты молокан было требование дешевой церкви. Как бы в противовес православию, в молоканстве такие об-

---

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Избр. соч., т. 1. М., 1959, стр. 295.

[2] *А. И. Клибанов.* История религиозного сектантства в России, стр. 147.

[3] Следует иметь в виду, что дореволюционная официальная статистика, зачастую основывавшаяся на данных самих сектантов, включала в их число членов семей, в частности, несовершеннолетних. Таким образом, данные по количественному составу сект оказывались завышенными.

ряды, как бракосочетание, рождение ребенка, похороны, совершались бесплатно. Это было весьма привлекательным как для бедноты, так и для молодой буржуазии, на первом месте у которой стояло накопление богатства. На первых этапах своего существования молокане пытались сцементировать сектантские общины экономической взаимопомощью.

Отдельные молоканские «пророки» поддерживали бодрость духа своих единоверцев обещаниями скорого наступления «царства божьего» на земле. Одну из картин такого «царства» нарисовал в своих сочинениях Максим Рудометкин — идеолог сектантов — «прыгунов», названных так из-за их радений, сопровождавшихся прыжками, плясками и т. п. «Царство» Рудометкина было таковым в прямом смысле этого слова, во главе с «царем духов и вождем сионского народа». «Царю духов» подчинялись 12 «царей-иереев» и 12 «князей-царедворцев». «Царство божье» располагалось на квадрате земли, который был окружен «гогами и магогами» — неверующими. Город, расположенный в центре «царства», сверкал драгоценными камнями и золотой крышей дворца «царя духов». Улицы его были вымощены мрамором.

Даже в фантастических грезах своих молокане не могли обойтись без «слуг и кормителей». Ими, по проекту Рудометкина, должны быть неверующие. А «люди божьи» могли жить в «царстве божьем», «забот не зная, имея всякого скота без счету и числа, плодородную землю и драгоценности в неограниченном количестве».

Эта картина весьма характерна для молоканских воззрений. А воззрения их, утопичные по духу, естественно, не могли служить базой для четкой социальной программы. Мечты остались мечтами, а реальность реальностью. С ней-то вскоре пришлось столкнуться молоканству и сразу же, не выдержав этого столкновения,

отступить. Рассыпались в прах мечты и грезы, оказались несбыточными надежды и помыслы.

По мере экономического развития России все сильнее чувствовалось имущественное расслоение внутри молоканских общин. Некоторые сектанты превратились в крупных собственников: обзавелись стадами тонкорунных овец, табунами лошадей, приобрели сотни десятин земли. В первой трети XIX в. социальное расслоение стало причиной выделения из молоканства ряда толков: «общих», «донского», «прыгунов», «субботников». Молокане, оставшиеся верными первоначальному учению, получили название «постоянных».

Возникновение группы «общих» относится к первой трети XIX в. Ее основоположниками были крестьяне Попов и Галяев. Иерархия общин этого толка сложна. Во главе всей системы административно-церковного управления стоял совет из 12 апостолов, возглавляемый «царем общего упования», ниже — главные распорядители и просто распорядители. Основной производственной ячейкой была партия. Доходы ее составляли так называемую общую сумму. Часть ее, оставшаяся после уплаты повинностей, податей, а также общих по селу расходов, поступала в партию и распределялась между ее членами поровну, согласно числу душ.

Вся жизнь и деятельность общин были проникнуты религиозностью. Но равенства не было. Одни члены общин бездельничали, другие на них трудились. Кассой, предназначенной для помощи малоимущим, не стеснялись пользоваться и богатые.

«Описывать жизнь «общих»,— писал в предреволюционные годы вышедший из молоканской среды М. Саяпин,— ...жизнь, которая прошла на моих глазах,— и очень трудно, и очень не интересно: почти все время придется копаться в мелочах и в дрязгах, которыми только и живут эти отрезвившиеся экстатики... Николаевка (се-

ло, бывшее своеобразной «Меккой» «общих».— *И. М.*) теперь тихая заводь, где погибает все жизненное...»[1]

В прошлом отдельные группы молокан признавали необходимость совершения таинств православной церкви. В основном это было зажиточное казачество Войска Донского, отчего и толк получил название «донского». Зародившись среди донских казаков, он распространился затем в Оренбургской, Таврической и Тамбовской губерниях.

Появление «донского» толка — свидетельство усилившейся классовой дифференциации молоканства, свидетельство активных поисков форм компромисса с официальным православием и тем самым с самодержавием.

Хотя основатель молоканства Уклеин поучал последователей, что мирские власти существуют для православных, а не для «духовных христиан», в сердца которых вселилось истинное учение Христа, с расширением географии молоканства, с ростом социального расслоения в его среде, росла лояльность отдельных групп молокан к царской администрации и к православию.

Указом от 20 октября 1820 г. было положено начало массовому переселению молокан в Закавказье. Правда, указом могли воспользоваться только государственные крестьяне, имевшие не менее 5 десятин душевого надела, а также купцы и мещане. К этой категории присоединялись и беглые крепостные и те, кто по каким-либо иным статьям не подходил под указ.

Первые поселения молокан в Закавказье появились в начале 30-х годов (село Базарчай в Армении) и с наибольшей интенсивностью росли в 40—50-х годах XIX в.

Однако надежды переселившихся крестьян на то, что в Закавказье они найдут «райскую жизнь», оказались тщетными. Это предопределило новые брожения среди

[1] *М. Саяпин.* Общие. «Ежемесячный журнал», 1915, Пг., № 2, стр. 69.

молокан, каких немало было на веку этого религиозного течения.

К 70-м годам многие села, где нашли пристанище переселенцы, стали остро страдать от малоземелья. В связи с этим началась миграция, сначала в Карскую область, затем в Закаспийскую и за границу. В молоканских обществах дифференциация углублялась. Власть находилась в руках зажиточных молокан, эксплуатировавших своих же единоверцев. Среди бедноты начались поиски нового учения о спасении от зла. Вскоре в молоканстве произошел раскол. В результате возник новый толк, последователи которого получили название «прыгунов».

«Прыгунство» было одним из левых течений в молоканстве, возникшим, как и другие течения, на экономической почве под флагом религиозного реформаторства. Образование общин «прыгунов» проходило под лозунгами защиты истинной молоканской веры и требования фактического равенства членов общин.

Еще в 1837 г. правительство отмечало, что некий Л. П. Соколов пророчествует среди молокан Мелитопольского уезда о скорой кончине мира и призывает идти на Кавказ, создавать «Новый Иерусалим»[1]. Эти идеи получили широкое распространение среди беднейших молокан. Они соответствовали их стремлениям найти землю, где можно было бы избавиться от помещичьей кабалы, от притеснений православного духовенства, добиться хозяйственной независимости.

«Пророки» первых «прыгунских» общин Соколов и Булгаков, а затем Максим Рудометкин разжигали в верующих религиозный фанатизм, призывали к дележу имущества. Они заявляли своим приверженцам, что ты-

---

[1] См. *Н. Варадинов.* История министерства внутренних дел, т. 8. СПб., 1868, стр. 348.

сячелетнее царство Христа, где каждый получит свою меру счастья, близко. Грешникам обещали гибель при «кончине мира», а праведникам — «все радости» в царстве Христовом.

Новоявленные «пророки» проповедовали возможность непосредственного общения каждого верующего со «святым духом». Подобно тому, как когда-то христововер Мокшин разыгрывал «Тайную вечерю» и устраивал другие мистерии с целью подогреть религиозные чувства своих последователей, Максим Рудометкин 19 октября 1857 г. «венчался на царство» в селе Никитино в присутствии огромной толпы народа. Он возложил на себя корону «царя» «духовных христиан» и носил на плечах буквы «Ц» и «Д» («Царь духов») в знак царского величия [1].

Так же как христововерческий «христос», Рудометкин имел «духовниц». Он ввел «братствование»—«обряд всеобщего целования» в собраниях, как он сам объяснял, в знак братской любви и взаимного уважения человека к человеку. Сильная духовная власть в «прыгунстве», слепая вера приверженцев этого течения в беспрекословный авторитет руководителей секты сделали организацию достаточно крепкой, сплоченной.

Наивысшего расцвета «прыгунство» достигло при Максиме Рудометкине, проповедь которого о скором наступлении тысячелетнего царства казалась привлекательной для беднейшего крестьянства. Она выглядела как естественная награда за страдания простых тружеников. В отдельных селах крестьяне бросали работу, продавали дома, облачались в белые одежды, отправлялись на какую-нибудь возвышенность ожидать обещанного вознесения на небо. Такой факт произошел, напри-

---

[1] *Н. Дингельштадт*. Прыгуны. «Отечественные записки», СПб., 1878, № 11, стр. 35.

мер, в Эриванской губернии, где жители села Семеновки в 1856 г. бросили все нажитое и в течение трех дней в молитве и в посте ждали пришествия Христа и своего вознесения.

Конечно, ожидания оказались напрасными. Но, несмотря на несостоявшееся вознесение, вера «прыгунов» не пошатнулась, а ссылка царским правительством Рудометкина в Соловецкий монастырь в 1858 г. способствовала дальнейшему созданию вокруг него ореола святости. Однако, в связи с тем, что в «духовном христианстве» началом, на котором держалась секта, всегда была сильная личность и ее авторитет, после ссылки Рудометкина распространение «прыгунства» заметно приостановилось, а противоречия по религиозным вопросам, свойственные этому течению, углубились.

Если до 1905 г. молоканство было одним из демократических течений, выступавшим оппозиционно к православию, освящавшему монархию, то после 1905 г. оно становится верноподданническим по отношению к самодержавию.

И хотя отдельные группы молокан, ссылаясь на свои религиозные убеждения, как и прежде, отказывались брать в руки оружие и служить в царской армии, для большинства молоканских общин это не было характерным. О том, что это так, свидетельствует, например, такой факт, как письмо кавказских молокан в 1914 г. наместнику края: «Просим, Ваше сиятельство,— писали они,— чтобы лучшим сынам нашим по окончании высших учебных заведений предоставлено было право сражаться в армии в офицерских чинах»[1]. Документ, что и говорить, красноречивый!

Правда, забегая вперед, заметим, что после революции, те же самые молокане отказывались служить в

[1] *В. Дружинин.* Молокане. М., 1930, стр. 12.

Красной Армии, ссылаясь на свои религиозные убеждения. Опять-таки факт весьма красноречивый!

Политика молоканских общин, которую определяли в прошлом зажиточные молокане, обусловила резко отрицательное отношение этих общин к пролетарской революции. Многие из них, направляемые богачами, встретили революцию в штыки в прямом смысле этого слова. И в дальнейшем они оказывали сопротивление Советской власти. Так, некоторые общины сальских молокан (Северный Кавказ) отказались участвовать в выборах советских органов власти. «Власть эта не наша,— говорили они,— и выбирать мы ее не будем. Бог даст, проживем и без Советов». Две общины, Михайловского и Плодородненского сельсоветов, отказались от выборов комиссий содействия хлебозаготовкам [2].

В селе Пески, Борисоглебского округа, Центрально-Черноземной области, руководители молокан в первые послереволюционные годы вступили в бандитские отряды, охотились за советскими активистами, расстреливали коммунистов. В 1923 г. молокане Амурского округа подняли восстание против Советской власти. В Закавказье молоканский деятель Макеев, будучи членом контрреволюционной организации, активно помогал белогвардейщине, надеявшейся силой оружия вернуть прошлое. Таких примеров можно привести множество. Они свидетельствуют о том, что большинство молоканских общин крайне враждебно встретили новую власть и, «забыв» про свои принципы, стали на сторону самых реакционных элементов, боровшихся с Советами.

После Октябрьской революции, подобно духоборцам, лишь небольшая часть молокан выразила согласие вступить в сельские коммуны. Остальные предприняли попытки организовать свои, молоканские сельхозартели,

---

[2] См. *И. Морозов*. Сектантские колхозы. М.—Л., 1931, стр. 6.

чтобы не менять прежнего бытового и религиозного уклада. Они приняли участие в состоявшемся в 1921 г. в Москве I Всероссийском съезде сектантских сельскохозяйственных и производительных объединений (коллективов). По замечанию В. Д. Бонч-Бруевича, передовая часть сектантства на съезд не была приглашена. Прикрываясь законом о свободе совести, съезд вынес ряд резолюций, которые, по существу, оправдывали саботаж мероприятий Советской власти.

Коллективизация затронула интересы всех крестьян — кулаков и бедняков, неверующих и верующих, православных, сектантов всех направлений, мусульман и т. д. Представители каждого крупного религиозного течения на своих съездах и собраниях высказывали свое отношение к кооперативному движению. По этому вопросу на III Всесоюзном съезде молокан было принято решение: «Ходатайствовать перед надлежащими властями об утверждении устава Всесоюзного сельскохозяйственного общества молокан». Для какой цели молоканам нужен был этот устав? Для того, чтобы сохранить прежние отношения господства и подчинения в своих кооперативных хозяйствах. Коллективизация их пугала, они хотели бежать из районов сплошной коллективизации на свободные земли.

Самарский съезд молокан (сентябрь 1924 г.) выступил с ходатайством о предоставлении молоканам свободных земель для организации артелей.

О том, что представляли собой свободные земли, как там «братья-молокане» помогали друг другу, можно узнать еще из дореволюционного журнала «Молоканский вестник». В одной из статей, опубликованных в № 1 журнала за 1906 г., говорилось: «Несколько лет назад, когда нашим братьям-капиталистам стало тесно жить в России, они заарендовали в Семипалатинской области огромную площадь кабинетных земель, что-то

свыше ста тысяч десятин, как помнится, по 6 коп. за десятину. Чтобы иметь у себя дешевую, а если можно, и даровую рабочую силу, они задались целью навербовать из своих братьев-односельчан арендаторов, и ни много ни мало, как из третьей копны. Они хорошо знали, что голодающие братья пойдут на такую приманку; им обещалась и такая дешевая испольная аренда, какой они у себя дома не пользуются. Дешевизна эта обходилась бы переселенцам от 7 до 10 рублей за десятину, и ни один брат-капиталист, приглашая к себе своих братьев в качестве арендаторов с заведомым барышом в тысячу процентов, не покраснел от стыда...»

Молокане-бедняки, которые экономически зависели от своих «братьев»-богатеев, зависели от них же и в религиозной жизни. Политика в общинах определялась богатыми молоканами. Они демагогически выступали за колхозы, но за колхозы молоканские. Фактически же они были против коллективизации. Да это и неудивительно. Ведь коллективизация подрывала устои кулачества, интересы богатеев. Выигрыш от нее получало беднейшее крестьянство. Вот почему руководители молоканских общин не принимали ее.

Когда в Сальском округе Северного Кавказа проходила сплошная коллективизация, кулацкая часть молоканских общин оказала ей упорное сопротивление. В Западно-Коннозаводском районе было организовано крупное колхозное объединение, в состав которого вошли 6 мелких молоканских колхозов, где влияние сектантской верхушки было не столь велико. «Тогда были мобилизованы все молоканские пресвитеры, которые добились того, что эти 6 колхозов не только вышли из состава объединения, но и ликвидировались»[1].

---

[1] *И. Морозов.* Сектантские колхозы, стр. 20.

Однако, в связи с тем, что в 20-х годах трудовые элементы в молоканстве составляли до 90%, руководству общин было нелегко. И тогда оно прибегало к крайним мерам. Случалось, что бывшие кулаки и подкулачники вынуждены были вступать в вооруженные столкновения со своими же единоверцами, которые шли в колхозы, стремясь силой свернуть бедноту с избранного ею пути.

Все эти факты прошлого забыть нельзя. Они навсегда останутся в биографии молоканства.

Вероучение молокан

В жизни каждого молоканина большую роль играет Библия. В отличие от православных верующих, которые мало читают Библию, молокане, как правило, с ней не расстаются. «Библию, как святую книгу, не должно запирать в книжный шкаф,— рекомендуют молоканские наставники,— она должна быть у каждого человека настольной книгой. Библия, как слово божие, должна занимать самое почетное место в доме и самое первое место в сердце человека».

Библию молокане делят на 5 частей: 1) закон с его обрядами и постановлениями; 2) история, где записывалось все, что происходило в жизни еврейского народа; 3) философия, к которой они относят книги притчей, премудростей и др.; 4) пророчества; 5) беллетристика.

Право разбираться в писании и определять, к какому разделу относится написанное, молокане оставляют за собой.

Отношение к троице у них то же, что и у православных, хотя отдельные члены секты толкуют ее иносказательно, подобно духоборцам: бог-отец — память; бог-сын — ум; бог-дух святой — воля. Но такого рода толкование в целом не характерно для молокан.

Семь христианских таинств: крещение, миропомаза-

ние, евхаристия, покаяние, священство, брак и елеосвящение, без которых, как считает православная церковь, человек не может получить спасения, молокане не признают за таинства.

Отрицая такие непременные в православии атрибуты, как водное крещение, святость церкви, институт церковнослужителей и т. п., молоканские идеологи учат, что «дух дышит, где хочет», и «поклоняться богу следует в духе истины». Таинства, которые в православии считаются необходимыми для получения «божественной благодати», трактуются молоканами как духовные, а раз так, то не требуется, стало быть, вмешательства какого бы то ни было посредника. Истинное крещение и истинное причащение, по мнению членов этой секты, получит только тот, кто познал учение Христа, «ибо духовное крещение есть крещение учения, а причащение — внушение глагола божия». Миропомазание и другие таинства ими также трактуются духовно.

Водораздел между различными религиозными вероучениями часто лежит в спорах о том, как попасть в рай и избавиться от вечных мук ада, каким способом добиться вечного спасения, если человек грешен, и т. п. Посмотрим, какова точка зрения на эти вопросы у молокан.

В молоканском вероучении отсутствует догмат о спасении верой. В представлении о том, что счастливым человек без веры в бога быть не может и тем более не может дать счастье другим, солидарны приверженцы всех христианских направлений. Однако при решении вопроса о том, что же ведет к спасению, они имеют разные точки зрения.

Например, по утверждениям евангельских христиан-баптистов, к спасению ведет человека «не его собственная праведность, а вера в Иисуса Христа, принятие Христа верою».

Молокане же относятся к проблеме спасения человека несколько иначе. Их понимание греховности, испорченности человека в результате первородного греха весьма своеобразное. Молокане считают, что в человеке, пораженном грехом, все-таки остались «семена добра, которые пробуждаются к росту через слово божие» и могут быть развиты путем нравственного самоусовершенствования, добрых дел на благо ближнего и т. д.

На вопрос: «В чем заключается суть блаженства?» — молокане отвечают: «Блаженство есть добрая благая часть жизни человека, а суть блаженства есть постижение блага человеком в самом себе»[1].

В этих представлениях отразились свойственная демократическим формам старого русского сектантства вера в нравственные и интеллектуальные возможности человека, в его способность одолеть силы зла, построить «царство божие на земле».

Учение баптистов о нравственном очищении человека под влиянием «духа святого» и о бессилии человека сделать себя нравственно чище собственными силами вызывает ироническое отношение со стороны молокан. «Баптисты себя святыми считают. Только крылышек не хватает. Поэтому и поминки не устраивают. Мы в этом ближе к православной церкви стоим»,— говорят молокане.

«Молокане все свое спасение и упование основывали на делании добрых дел»,— писал в 1957 г. один из известных руководителей церкви евангельских христиан-баптистов — Я. И. Жидков, вышедший из молоканской семьи.

Действительно, «прыгуны», «постоянные» и другие толки молокан в вопросе спасения делают упор на «добрые дела». Отвечая на вопрос, как доказать, что ты

---

[1] «Сектантский вестник», 1913, № 1, стр. 5.

угоден богу, они отвечают: если ты деятелен «во всей жизни и живешь примерно», то ты выполняешь божью волю и тем угоден богу.

Молокане верят, что жизнь человека «исчезает» в пространстве и бесконечности, «словно пар», а добро, которое человек творил, «остается в вечности». Это положение связано с призывом «добрыми делами, степенностью, здравым словом посрамить противника, который не будет иметь ничего сказать о нас худого».

Религиозное мировоззрение молокан лишено тех черт пантеистических представлений, которые отличали духоборчество на его ранней стадии развития.

Согласно представлениям идеологов молокан, бог — это «совершенство, единая сущность, частью и проявлением которой человек сознает себя, свое «я»».

Однако в молоканстве, как и в других религиозных течениях, существуют различные толкования одних и тех же вопросов. Это обусловлено тем, что в каждом из течений есть более мелкие, со своей собственной трактовкой важнейших теологических проблем. Так, председатель «Союза духовных христиан-молокан» в дореволюционное время Н. Ф. Кудинов резко отмежевывался от того понимания бога, которое присуще наиболее фанатичным членам секты. По его мнению, бог — это «сущность таинственного бытия», он включает в себя «вечность времени и бесконечность пространства». Несомненно, что в подобных рассуждениях Кудинова отразилось стремление уйти от традиционного представления о боге как о личности.

Это становится понятным, если учесть, что Кудинов был идеологом буржуазно-либерального крыла в секте молокан, так называемого прогрессистского движения, стремившегося обновить молоканство в духе идей религиозного либерализма.

А как молокане относятся к возможностям разумного постижения мира, к способности человека познавать его, к науке?

Следует признать, что члены секты всегда признавали и признают практическую сторону достижений человеческого разума, науки, несомненную пользу познания для человечества. Они никогда не отказывались от использования научно-технических открытий в практической работе, а до Октябрьской революции зачастую были первыми в освоении новой сельскохозяйственной техники, новых агротехнических приемов и т. п. В молоканском журнале «Сектантский вестник» постоянно печатались статьи с рекомендациями улучшать агротехнику на основе научных достижений.

Однако, принимая практическую сторону научно-технического прогресса (что вполне соответствовало интересам буржуазных слоев в молоканстве), признавая роль науки в просвещении человечества и облегчении труда людей, идеологи этого религиозного течения в то же время определяли четкие границы разума, заявляя о его бессилии решать вопросы духовные, связанные с деятельностью души, вопросы мировоззренческие и т. д. По их мнению, нельзя беспредельно преклоняться перед человеческим разумом и его достижениями. Разум, писал Кудинов, «имеет свои пределы и ограничения, за грань которых он не может проникнуть». Он не может, оказывается, проникнуть за «таинственную завесу вечного бытия, охватить бесконечное пространство, солнечную систему, пересчитать количество звезд, изучить историю их возникновения, определить их состав и т. д.».

Следует сказать, что, с тех пор как писал Кудинов, прошло более полувека. Современная наука неизмеримо продвинулась вперед по пути решения тех вопросов, о которых говорил сектантский идеолог как о неразре-

шимых для разума. Величайшие научные достижения, огромные успехи в познании мира опровергли доводы молоканского авторитета. Однако и это оказалось недостаточно убедительным для идеологов молоканства. Для них кажущееся бессилие человека разрешить с помощью разума вопросы, связанные с «творением», является решающим доказательством человеческого бессилия «познать бога-творца и его вечную премудрость». Поэтому молокан не удивляют новейшие открытия науки. Они попросту не придают им значения, поскольку, по их мнению, человеческие знания, добытые наукой, — это «крупица по сравнению с вечностью».

В свое время на страницах журнала «Вестник духовных христиан-молокан» Кудинов рассказал об одном разговоре, который будто бы состоялся у него со старым молоканином. Кудинову как-то пришлось читать молоканам книжку известного профессора, в которой приводились сведения, что наша солнечная система не одна во Вселенной, «что таких солнечных систем, как наша, имеется до сорока миллионов». Среди слушателей был старик, хорошо изучивший Библию. Когда было названо примерное число разбросанных по бесконечному пространству «таких, как наша, солнечных систем», старик переспросил: «Сколько таких солнышек, как наше?» Кудинов повторил: «Сорок миллионов, дедушка». Тогда дед улыбнулся, кашлянул, и сказал: «Маловато этот профессор насчитал. Библия насчитывает больше: в ней говорится, что бог создал бесконечное число звезд, а ведь все эти блестящие звездочки есть не что иное, как солнце, миры, да еще, пожалуй, больше, чем наш мир, и на этих мирах, наверное, живут более совершенные существа, чем мы». И Кудинов победоносно заканчивает: «Таких стариков никакими цифрами не отшибешь от бога».

Приветствуя достижения науки и техники, признавая их положительную роль в улучшении человеческого труда, молокане заявляют, что сами по себе они не могут дать человеку счастья, ибо счастье его только в вере.

В 20-е годы весь мир взволнованно следил за полетами первых самолетов, чествовал летчиков, покорявших небесные высоты. И не было людей, равнодушных к этим полетам. Молокане тоже по-своему откликались на животрепещущие события современности. В журнале «Вестник духовных христиан-молокан» за 1928 г. было помещено стихотворение «Моноплан», которое в известной степени характеризует их взгляды. Вот отрывок из него:

Все дальше и выше стремится,
Не зная ни гор и ни рек,
Куда ты, железная птица?
Куда ты летишь, человек?
Твой замысел хвалят повсюду
В наш слабый, испорченный век,
Я этого делать не буду,
Я знаю, что ты — человек.
Душа твоя, правда, страдает
Под гнетом земной суеты
И рвется, чего-то желает,
Но знаешь ли, понял ли ты?
Послушай, ей надо немного,
Но только не этот полет,
Ей надо общение с богом,
Лишь в нем она счастье найдет.

Многие нынешние молокане точно так же, как и их предшественники, реагируют на полеты в космос и на другие великие свершения человеческого разума, которые поражают мир.

Признавая большую роль науки и технического прогресса в деле просвещения человека, значительная

часть молокан до сих пор придерживается консервативной точки зрения на соотношение научного и морального прогресса, считая, что в деле нравственного и духовного прогресса наука бессильна.

В то же время для молоканства характерны и модернистские тенденции, которые заключаются, например, в попытках примирить науку и религию. В молоканстве, например, известно течение, которое отвергало даже авторитет Библии в вопросах происхождения мира и человека, пытаясь примирить науку и религию.

Еще в 90-х годах прошлого века по инициативе А. С. Проханова, брата известного организатора «Союза евангельских христиан», было создано «Общество образованных молокан». Программа его предусматривала «объединение образованного сектантства на почве такого мировоззрения, которое исключало бы всякое противоречие между религией и наукой и приводило бы их во взаимную гармонию».

Астрономия и геология разбили версию о божественном происхождении солнечной системы и земли. Что ж, заявляли учредители «Общества образованных молокан», мы признаем, что мир создан и управляется при помощи законов природы, а не посредством чудес. «В вопросе о происхождении нашей солнечной системы и земли мы идем вслед за научными завоеваниями астрономии и геологии. Мы отвергаем авторитет Библии в этом вопросе».

Дарвинизм разбил библейскую версию о происхождении человека. Учредители «Общества образованных молокан» готовы были признать и это. «В вопросе о происхождении человека и органических существ на земле мы идем вслед за наукой биологией: мы держимся учения Дарвина, пока не будет открыта более доказательная теория. Мы не принимаем авторитета Библии в этом вопросе».

«Общество» было немногочисленно, однако проповедовавшиеся им взгляды получили распространение среди некоторой части молокан, особенно молодых. Но все же справедливости ради следует заметить, что рядовая масса верующих не была затронута идеями «Общества образованных молокан».

В начале XX в. молоканство стало быстро распадаться. Православные миссионеры писали, что «среди молокан в последнее время наблюдается индифферентное отношение к вопросам веры, охлаждение к посещению молитвенных собраний, особенно среди молодого поколения, и переход в баптизм и даже в неверие».

Чтобы спасти идею бога в условиях быстрого роста научных достижений и промышленности, молокане пошли на открытый отказ от тех идеологических позиций, которые фактически в ходе развития общественного и научно-технического процесса были ими потеряны.

Среди современных молокан, особенно руководителей общин, можно встретить людей, которые настойчиво пытаются найти в литературе по философии и истории поддержку своим идеалам и суждениям.

Так, у иных пресвитеров молоканских общин всегда под рукой не только книги, излагающие вероучение и историю молоканства, но и научная литература, например книга И. Д. Амусина «Находки у Мертвого моря» с многочисленными пометками на страницах, которую довелось нам увидеть во время поездок к молоканам. Причем подчеркнуты те места, которые, по мнению владельца книги, подтверждают историчность Христа, евангелий, ценность Библии.

Жизнь властно стучится в дома молокан, и сектанты вынуждены с этим считаться.

Молоканская мораль. Этика «добрых дел»

Этические принципы молокан, отношение к труду, к людям, определение добра и зла тесно связаны с их догматикой, с учением о греховности, об искупительной жертве Христа, духовном возрождении, спасении «добрыми делами». В отличие от кальвинизма и лютеранства, которые считают, что спасти человека может лишь вера, якобы зависящая от собственной воли, но только не «добрые дела», молокане верят, что бог предоставил человеку свободу действий и «добрые дела» — залог спасения. Хорошо трудиться — одна из заповедей молоканской этики «добрых дел».

Есть у молокан пословица: «Трудись, как если бы тебе весь век жить; добро делай, как если бы тебе завтра умереть».

Молоканское вероучение всегда поощряло накопление богатства. В одном из параграфов устава бакинского «Общества духовных христиан-молокан» (1910 г.) говорилось: «Хорошо то богатство, в котором нет греха, и зла бедность — в устах нечестивого».

Молокане с уважением относились к деловому благоразумию и прилежанию, нетерпимо — к отсутствию трудовой инициативы и неумению наживать богатство. В уставе бакинских молокан есть такие строки: «Ленивых и нерадивых мы ненавидим и отвращаемся».

Молокане были одними из первых в распространении буржуазных форм хозяйства на окраинах России, например, в Тифлисской, Таврической губерниях, в некоторых районах Сибири и Амурской области. По существу, идеология молоканства и его мораль формировались как идеология и мораль мелкого товаропроизводителя.

Когда речь шла о накоплении капитала, молокане не стеснялись эксплуатировать своих единоверцев: сдирать втридорога за аренду земли и помещения, нани-

мать батраков и т. д. Богачи-молокане, как и богачи-православные, не стеснялись отказывать своему единоверцу в куске хлеба или мерке картошки.

Бывший молоканин Белоусов из села Кривец, Липецкой области, в беседе с автором вспоминал: «У нас раньше поди попроси у богатого — не даст. Я бедный был, в семье 7 человек. А у Ряховского было 500 десятин земли. Было голодное время, есть нечего. Я думаю: где бы картошки занять? Беру мешок, иду к Ряховскому, думаю, молоканин, даст. Прихожу, он спрашивает: «Небось муки просить пришел?»

— Нет, мерку или две картошки.

— Я бы дал, да видишь, сколько коров, 50 лошадей. Скотину кормить нечем».

А что предлагали молоканские идеологи для освобождения бедных «братьев» из-под власти богачей?

Прежде всего «открыто указать последним на их злоупотребление богатством, в чем с любовью просить их исправиться».

Называя одной из главных добродетелей человека трудолюбие, молокане считают, что труд является выражением духовной и телесной личности человека, что бог дал людям возможность трудиться и от них самих зависит, насколько они воспользуются этим божьим даром.

Но мораль молокан не исчерпывается заповедью: «Трудись!» Она включает в себя евангельские нормы поведения человека. Молокане, например, говорят о том, что страдания облагораживают человека и в конце концов увенчиваются радостью.

Известно, что среди членов секты есть такие, которые допускают излишества в употреблении спиртного. Страдания доброй, работящей жены, живущей с пьяницей-мужем, оказывается, по молоканским представлениям, угодны богу. Молоканские старцы по этому по-

воду говорят так: «Бывает, что человек за чужие грехи терпеть должен. Пьянство — мужа грех. И господь соединяет таких, а не обоих хороших».

Естественными и богоугодными объявляются буквально все страдания, выпадающие на долю людей. В данном случае молокане разделяют общехристианские взгляды на страдания как на определенное средство испытания людей богом.

Говоря о молоканской морали, следует особо остановиться на отношении молокан к окружающим людям, к общественной жизни. Это отношение во многом определяется их религиозными убеждениями и неодинаково у различных групп верующих, по-своему трактующих некоторые христианские принципы.

Для молокан, как и для представителей других религиозных течений, характерны религиозная обособленность, чувство собственного избранничества. По их словам: «Верующие — овцы среди волков». Молокане, как и представители других религиозных направлений, считают свое учение единственно истинным, хотя в общем и отличаются терпимостью к другим течениям («Во всех верах есть спасение»). Проявление религиозной нетерпимости более всего характерно для молокан-максимистов[1]. По свидетельству этнографов, побывавших у «прыгунов» Армении в 1964 г., они, особенно максимисты, стараются всеми силами проводить в жизнь молоканские заповеди. Максимисты почитают одного из вождей молокан-«прыгунов» — Максима Рудометкина как «пророка». Его писания играют большую роль в их деятельности. Молитвенным собраниям максимистов

[1] Максимисты — правое крыло молокан-«прыгунов». Это течение возникло в 20-х годах нашего века, в период, когда под флагом «истинной веры» против Советской власти выступали всевозможные контрреволюционные группы: федоровцы, буевцы, имяславцы и др.

присуща особая эсхатологическая направленность [1]. На собраниях говорится, что если первое пришествие Христа сопровождалось всемирным потопом, то второе будет сопровождаться всемирным пожаром. Под влиянием руководителей этого течения некоторые молокане Армении, добросовестно трудясь на производстве, уклоняются в то же время от всякой общественной работы. Максимисты не вступают в профсоюзы, отказываются от государственных пособий. Конечно, не все приверженцы этого течения беспрекословно следуют подобным требованиям своих руководителей. Например, в Дилижане, когда один из максимистов стал получать пенсию, а община потребовала, чтобы он от нее отказался, он предпочел уехать в другой город, однако от пенсии не отказался [2]. Такого же рода неповиновение настояниям руководства проявляется и в других общинах максимистов.

Дети максимистов учатся в школе, но многим из них родители не позволяют вступать в пионеры, в комсомол. «В максимистских общинах существует крепкая дисциплина, община вмешивается в жизнь каждой семьи. В противоположность «постоянным», «прыгуны» и особенно максимисты не идут ни на какие компромиссы в отношении веры. Максимисты запрещают членам своих общин вступать в брак с иноверцами, в том числе с «прыгунами» и «постоянными». В противном случае они отказываются совершать брачный обряд» [3].

Молокане-«прыгуны» в основном толкуют Библию так же, как «постоянные», поют на собрании те же псалмы и молитвы, но имеют еще и избранные стихи

---

[1] Эсхатология — религиозное учение о «конце света».

[2] *К. И. Козлова.* Изменения в религиозной жизни и деятельности молоканских общин. Сб, «Вопросы научного атеизма». Вып. 2, 1966, стр. 312—313.

[3] Там же, стр. 314.

«зажигательного» содержания, исполняющиеся под плясовой мотив. Они проповедуют возможность непосредственного общения каждого «достойного» верующего с «божьим духом». Такое общение, по их мнению, может быть достигнуто на молитвенных собраниях, на которых верующие приходят к нервному возбуждению, а порой и к экстатическому состоянию.

Когда молящиеся под звуки все убыстряющегося пения входят в состояние религиозного экстаза, у них начинают конвульсивно дрожать тело, руки, сложенные на груди, а глаза приобретают бессмысленное выражение. Раскачиваясь в такт песне, они неожиданно толчком выбрасывают руки кверху и одновременно пристукивают ногой.

У «прыгунов» имеются свои «пророки» и «пророчицы». Иногда «пророк» является одновременно пресвитером. Раньше «пророки» определяли степень греховности членов общин. Грешники могли откупиться деньгами или же ревностным раскаянием. Кающегося или кающуюся таскали по избе с криком «кайся», а затем в избу приводили быка, сбводили его вокруг грешника — бык якобы увозил на себе все грехи верующего[1]. Все эти обряды должны были способствовать укреплению веры «прыгунов» и власти «пророков».

Придавая большое значение внешнему оформлению власти, Рудометкин имел знамя с изображением двух крыльев и надписью: «Величие солнца», а также печати, которыми духовный вождь «прыгунов» награждал своих последователей, отличавшихся тем, что на них особо часто сходил «святой дух».

Прием в общину предельно прост. Желающий стать молоканином — «духовным» сообщает о своем желании

---

[1] *Н. Дингельштадт.* Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту, стр. 75—76.

старцам, а те — собранию. Собрание и решает вопрос о приеме. Вступающий в общину во время собрания выходит «на круг», т. е. в центр молитвенного помещения и повторяет свою просьбу. Одно из руководящих лиц общины излагает сущность молоканского вероучения. Неофит заявляет о своей готовности исполнять все установленные молоканством правила и обряды. После этого он считается членом общины.

Но людей, вступающих со стороны, очень мало. Чаще всего секта пополняется за счет членов семей верующих: дети считаются принадлежащими к общине родителей, жена — к общине мужа. Над ними обряда приема не совершается.

До сих пор молокане, как, впрочем, и приверженцы других религиозных направлений, относятся недоброжелательно к бракам с инаковерующими. Правда, внутри молоканства эта нетерпимость меньше, хотя еще в начале нашего века к подобным случаям относились весьма отрицательно, особенно молокане-«прыгуны».

Сознательно или бессознательно, по традиции или по настоянию проповедников, изолируя себя в большей или меньшей степени от жизни неверующих в бога или инаковерующих, молокане-максимисты вступают в конфликт с элементарной логикой. Например, отказываясь брать от государства пособие по многодетности, логично отказаться и от помощи детей, которых выучило бесплатно в своих учебных заведениях государство. Но этого нет. Помощь от детей, которые не проявляют достаточной сознательности, женщины-молоканки готовы требовать по суду, привлекая их к ответственности по советским законам, и даже, если считают, что это поможет, согласны написать о неблагодарных чадах в газету, ибо «государство — это одно дело, а родной сын — другое». Молоканка Н. М. Телегина из села Фиолетово в Армении, жаловавшаяся приезжему из

Москвы журналисту на сына Николая, хотела использовать газету, чтобы хоть таким путем подействовать на совесть сына. Сама же Телегина газет не выписывает. «Нам наша вера не позволяет, — говорит она. — Да и зачем обязательно выписывать? Если что случится — от соседей узнаем, они ведь выписывают...»

Получается, таким образом, что максимисты «согласны жить с неверующими под одним небом, но хотят дышать разным воздухом»[1].

Конфликт с жизнью, в который вступают максимисты,— естественный процесс, ибо жизнь идет вперед, а максимисты продолжают следовать обычаям и традициям, которые неприемлемы для современной действительности.

Организация. Культ

Духовные христиане-молокане объединены в общины, возглавляемые пресвитерами, которые избираются верующими. Во многих молоканских общинах пресвитеры — люди малограмотные, но с большим жизненным опытом. Главное требование, которое предъявляют к ним верующие,— жить по правилу: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою».

Секта молокан до первой трети XX в. не имела централизованной организации, а в малых группах, каковыми являлись молоканские общины, авторитет пресвитера зависел прежде всего от личных его качеств, с поправкой на социальное положение в дореволюционное время. Так как молокане считают, что «дух дышит, где хочет» и бог «не в рукотворных храмах живет», то он, по их представлениям, и «не требует служения рук человеческих». «Посему,— заявляют молокане, — мы не

---

[1] *А. Шамаро.* У последних прыгунов. «Литературная Россия», 25 декабря 1964 г.

имеем священников плотских и немощных». Под пресвитерами, епископами, дьяконами они понимают всех служителей церкви.

Кроме собственно богослужебных обязанностей, пресвитер должен следить за нравственностью членов общины и заботиться об общинных нуждах. За свою работу он не имеет права получать деньги («бесплатно получили — бесплатно и давайте»). Правда, последнее правило соблюдается далеко не всегда.

Большой властью в общине пользуются «старцы». Без них не проводится ни одно молоканское «дело» (бракосочетание, похороны и т. п.), не принимается ни одно важное решение.

О том положении, какое каждый молоканин занимает в общине, можно судить по тому, какое ему отводится место в молитвенном доме. В переднем «углу» за столом сидит пресвитер, его помощники и «старцы», которые читают Библию на собрании. На ближайших к столу скамьях размещаются певчие и другие наиболее уважаемые лица. Женщины, как правило, занимают последние ряды. Женщина-пресвитер — исключение.

Для организации старого (дореформенного) русского сектантства, в том числе и молоканства, характерна патриархальность. Если для протестантских сект западного происхождения: баптистов, евангелистов, адвентистов, христиан евангельской веры прямое членство было характерно со времени их образования, то молокане, считавшие свою религию «потомственной», только в 20-х годах нынешнего столетия поставили вопрос о «принятии братьев в общину». В пятом пункте четвертой резолюции Всесоюзного съезда молокан в Самаре (1924 г.) рекомендовалось «ввести во всех общинах христианские принципы», что означало: «а) принятие

братьев в общину, б) увещевание, в) исключение из общин порочных членов впредь до их раскаяния»[1].

До настоящего времени каждый член молоканской организации находится под постоянным контролем единоверцев, ощущает силу требований ее руководства, что указывает на сохранившуюся прочность контактов верующих между собой. Например, если обычное течение религиозной жизни нарушается, в силу того что члены одной семьи находятся в ссоре, то «старцы» отказываются устраивать поминки, брак и другие «дела» до тех пор, пока ссорящиеся не помирятся[2].

Отдельные молокане всегда понимали необходимость усиления централизации, установления единообразной системы управления для упрочения влияния руководства общин. Свобода совести, которую гарантировала всем гражданам нашей страны Советская власть, была использована молоканами для укрепления своей организации. В резолюциях различных молоканских съездов, проходивших в 20-е годы, подчеркивалась необходимость установления единообразной системы управления. В августе 1921 г. владикавказские молокане при поддержке молокан других областей созвали I Всероссийский съезд духовных христиан-молокан, на котором был избран совет «Союза молоканского братства». Президиум совета состоял из председателя (Ф. А. Локтев), его заместителя (И. Я. Галкин) и казначея (Т. А. Гаврин).

Тогда же, в 1921 г., духовные христиане-молокане объединились во Всероссийский Союз, а в 1924 году, на Всесоюзном съезде духовных христиан — во Всесоюзное объединение духовных христиан-молокан с Центральным советом в Москве.

---

[1] «Вестник духовных христиан-молокан», 1925, № 1—2, стр. 69.

[2] Автор был свидетелем сохранения этого правила во время неоднократных посещений молоканских общин.

Многие молокане с первых же дней организации «Союза» повели против него борьбу. Как отмечалось в № 9 «Вестника духовных христиан-молокан» за 1927 г., «некоторые старцы открыто заявили: на что нам Союз, на что журнал, в котором проводится мысль об установлении правил отлучения от общин за порочную жизнь? Сказано: оставить до жатвы, значит, нельзя отлучать».

С другой стороны, нападки шли и от преданных молоканству «старцев», которые боялись, как бы вновь созданный «Союз» не поколебал основ учения духовных христиан, как бы не внес в религиозное устройство духовных христиан каких-либо новшеств. Отдельные группы молокан так и не вошли в «Союз» и стали называть себя «свободными».

Материальную поддержку «Союзу» оказывало около 300 общин. Наиболее значительной была помощь дальневосточного и сибирского «братств».

Структура молоканской общины до какого-то времени была надежна и устойчива. И по отношению к внутренней среде эта относительная устойчивость сохраняется до сих пор. Однако вместе с тем структура молоканства оказалась совершенно негибкой, что ускорило его распад. Сохранявшаяся сила патриархальных традиций в общинах, конкуренция с гибкой и стройной организацией евангелистов и баптистов подтачивали молоканство. Об этом немало говорилось на Всесоюзном съезде духовных христиан, проходившем в Самаре в 1924 г. В своих докладах молокане признавали, что «у нас есть большая безнравственность и духовная спячка», что «у нас нет организации и нет общественных строгих воздействий на слабых и порочных братьев»[1] и т. п. Выступавшие рекомендовали созывать чуть ли

---

[1] «Вестник духовных христиан-молокан», 1925, № 1—2, стр. 58.

не ежегодно всероссийские съезды с обсуждением актуальных вопросов и недоразумений, возникающих в «молоканской семье». Предлагали выработать и утвердить общественное богослужение и религиозные требы, «одинаковые для всего русского духовного братства», а также издавать духовно нравственный журнал, подписку на который хотели вменить в обязанность каждой общине.

Журнал под названием «Вестник духовных христиан-молокан» стал выходить с 1925 г. периодичностью раз в два месяца. Издателем и главным его редактором был Н. Ф. Кудинов.

Идеи укрепления молоканской организации, ее «оздоровления» проводились молоканским журналом из номера в номер. Выступавшие в журнале давали советы, необходимые, по мнению редколлегии, для нормальной жизни религиозных общин. Желающим вступить в общину, рекомендовали собственноручно записаться в членский список и «дать обещание перед богом: не оставлять молитвенного собрания без уважительной причины, аккуратно, добросовестно вносить установленные добровольные пожертвования на нужды общины, безропотно подчиняться установленному церковному порядку, сохранять общий мир и не выносить на сторону спорных мнений и недовольств... старцам должно оказать сугубую честь» [1].

Однако нововведение не привилось. Активным преобразующим началом в молоканстве выступили не «старцы», а так называемые «прогрессисты» — молодежь, называющая своих критиков «староверами». Если у евангелистов и баптистов чуть ли не с момента их появления в России существовала стройная система руководства детскими и молодежными кружками, то в

[1] «Вестник духовных христиан-молокан», 1928, № 3, стр. 19.

молоканстве молодежные кружки до 1924 г. находились как бы на нелегальном положении, они создавались при сильном противоборстве «старцев». Тяга к новой жизни была характерна для многих молодых сектантов, которые в первые годы после революции еще не могли преодолеть влияния религии и свою жажду активных действий обратили на борьбу с руководителями молоканского движения из старшего поколения сектантов. Борьба молодежи против отчужденности сектантства, против его замкнутости в рамках традиционного быта и обрядовой косности особенно ярко и остро дала себя знать именно в молоканстве.

В то время как молоканские «старцы» теократически управляли общинами и требовали неуклонного следования традиции, соблюдения обрядности, молодежь вспомнила о демократическом устройстве ранних молоканских общин и потребовала доступа к руководству. В селе Пески, Борисоглебского уезда, Тамбовской области, она выдвинула лозунг «христианского равенства» и противопоставила себя зажиточной верхушке молоканской общины. Движение молодежи охватило подавляющее число молоканских общин на Тамбовщине, распространилось и в другие районы страны. Документы, хранящиеся в Государственном историческом архиве Азербайджанской ССР, рассказывают о постоянных столкновениях между «прогрессистами» и «староверами».

Вот выписка из протокола № 6 от 4 июня 1928 г. отчета религиозного общества «христиан-молокан прогрессистов» села Алты-Агач, объединявшего 65 верующих.

«Слушали:

О воспрепятствовании и стеснении в исполнении наших религиозных потребностей руководителями старомолоканского об-ва и нарушении ими прав, предостав-

ленных Адм. отделом Баксовета нашему о-ву, равного, т. е. очередного пользования зданием молитвенного дома.

Постановили:

Ввиду неоднократного воспрепятствия и стеменения в отправлении наших религиозных потребностей руководителями старомолоканского о-ва, а именно:

1) Когда мы прогрессисты собираемся в свою очередь с утра, то ревнивые патриоты старомолоканского о-ва в лице своих руководителей, не имея в себе терпения к нашему новому прогрессивному направлению, приходят прежде окончания нашего молитвенного собрания, становятся на коридоре и во дворе и тем самым понуждают нас, чтобы мы скорее заканчивали свое собрание.

...Когда нашими представителями был спрошен ихний представитель Кутунов А. Е., почему они так поступают и не соблюдают установленной очереди, то председатель ответил, что они, староверы, как большинство, не могут подчиняться меньшинству и таким образом никакой очереди признавать не могут...»[1]

О спокойной перестройке общин не могло быть и речи. В документах Государственного архива Тамбовской области, относящихся к 1927 г., неоднократно встречаются упоминания об участии молоканской молодежи в спортивных кружках, о посещении молодыми сектантами изб-читален.

«Прогрессистское» движение стало предметом обсуждения на Всесоюзном молоканском съезде (1924 г.). Съезд вынес ряд резолюций, касающихся молодежи. На нем было, в частности, решено легализовать молодежные молоканские организации там, где они были, и

[1] ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 229, л. 76, 77. (Грамматика документа сохранена).

создать новые там, где их не было. В резолюции говорилось: «Организацию краевых съездов, образование кружков молодежи поручить Совету Союза»[1].

Смысл этого решения молоканского съезда состоял в том, чтобы поставить молодежное молоканское движение под контроль центрального органа молоканской организации, поскольку предотвратить развитие движения было уже не во власти молоканских верхов. В резолюции съезда читаем: «Для организации собраний молодежи необходимо выделить способных и прогрессивных братьев, которые могли бы организовывать и наблюдать за правильностью ведения собраний и соблюдать благопристойность»[2].

Уступки, вырванные молодежью у молоканских руководителей, были довольно существенны. В резолюциях молоканского съезда было зафиксировано: «Нужно допустить в собраниях свободу проповеди как для молодежи, так и для сестер-женщин... Нужно допустить в общинные советы наравне со старцами и прогрессивную молодежь, давая ей возможность проявлять свои духовные способности»[3].

Решения молоканского съезда были приняты под влиянием внутренней борьбы в молоканстве, попыток трудящихся низов сломить религиозно-бытовые преграды, воздвигнутые между ними и всем советским обществом, а также под влиянием конкуренции с баптизмом, который еще задолго до 20-х годов имел свои молодежные организации, привлекавшие молоканскую молодежь.

Однако очень скоро проявилась слабость молоканской организации. Она выразилась прежде всего в том, что решения самарского съезда не стали обязательными

---

[1] «Вестник духовных христиан-молокан», 1925, № 1—2, стр. 70.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 63.

для всех молоканских общин. Со всех концов страны поступали жалобы и от «прогрессистов» и от «староверов» молокан на взаимное притеснение и оскорбление. Распад молоканских общин проявился особенно ярко в послевоенные годы. Например, если в г. Рассказове, старейшем центре молоканства, в 1945 г. молоканская община насчитывала 369 человек, то в 1949 г. — всего лишь 157 человек. За десятилетие, с 1949 по 1959 г., община сократилась приблизительно до 60 человек. В 1948 г. имел место массовый выход из рассказовской общины 160 молокан [1].

Пресвитер рассказовских молокан П. М. Б-в, отвечая на наш вопрос о причинах такого массового выхода верующих из общины, сказал: «Эти люди в молодых годах пошли на фабричные работы и постепенно отделились от религии, и пошли кто в партию, а кто в комсомол и так далее, и до сего времени отделяются» [2].

Вряд ли можно в данном случае возразить молоканскому руководителю. Он прав, признавая факт отхода трудящихся от религии. Этот отход — свидетельство глубокого кризиса религии в наши дни.

Бытовая обрядность молокан

«Вера отцов», или, иначе говоря, молоканская традиция, для современных членов секты, главным образом для людей пожилых и среднего возраста, представляет значительную ценность. Молоканская традиция включает в себя довольно много компонентов, и среди них: вероучение, обряды, обычаи, праздники, церемонии.

Сектантство, отделяясь от православия, не просто отвергало бескомпромиссно традиционную веру с ее идеологией, моралью, культом, но вольно или невольно,

---

[1] Сб. «Современное сектантство». М., 1961, стр. 100.

[2] Отдел рукописных фондов Ин-та истории СССР, ф. Тамбовской экспедиции, 1959. Письмо П. М. Б-ва от 29 июля 1960 г.

чаще всего инстинктивно, учитывало опыт прошлого века и не порывало совершенно с вековыми традициями. Немало нитей связывает с православием и молокан. Праздники православной церкви, такие, как рождество, пасха, троица, вознесение, благовещение и т. д., повсеместно отмечаются и молоканами; христианские «таинства», хотя и не признаются молоканами за «таинства», но сохраняются в молоканской обрядности, правда, с иной трактовкой. Элементы православной обрядности можно обнаружить во многих традиционных обрядах молокан.

Каждая эпоха вычитывала из Библии то, что наилучшим образом отвечало ее запросам. Так было и во времена формирования молоканства. Вспомним, в какую эпоху родилось это христианское течение, и нам станет понятно многое из того, что составляет специфику молоканства. Оно родилось в период разложения феодализма и формирования буржуазного общества и явилось, по сути дела, своеобразной буржуазной разновидностью христианства. Не случайно сами молокане сближают свое вероучение с учением Цвингли, одного из духовных вождей Реформации, положившей начало такой буржуазной форме религии, как протестантизм.

Руководители целого ряда русских религиозных сект, подобно Цвингли или Лютеру, были защитниками развивающихся буржуазных отношений. Бережливость, экономия — характерная черта буржуа, а «внешняя религиозность» — вещь дорогостоящая; поэтому, естественно, сектантство от нее отказалось. Хотя это не значит, что в молоканстве отсутствует обрядность.

Не будем вступать в давно идущую дискуссию о том, что возникает раньше — миф или обряд. Многие известные исследователи считают, что эти явления по времени возникновения практически совпадают. Однако, как явствует из ряда исторических фактов, на началь-

ном этапе формирования идеологии какого-либо нового религиозного учения интерес его последователей сосредоточен в первую очередь на идее, а затем уже, в процессе формирования новой идеологии, ее стабилизации, отдельные обычаи, привнесенные теми или иными участниками движения, становятся своеобразными символами, показывающими, что член данной организации — приверженец именно этого, а не другого течения, конфессии. Со временем, когда на смену одним идеям приходят другие, новые, более прогрессивные, многие члены организации становятся на защиту старых идей, занимают консервативные позиции и держатся за все, что сопутствовало их идеологии в период ее зарождения, а это прежде всего символы, обряды, традиции, т. е. форма отживших идей. И совершенно справедливо отмечает советский исследователь С. А. Токарев, что обряд «всегда составляет самую устойчивую часть религии, связанные же с ним мифологические представления очень изменчивы, нестойки, нередко вовсе забываются, на смену им сочиняются новые, долженствующие объяснить все тот же обряд, первоначальный смысл которого давно утрачен» [1].

У молокан одним из внешних признаков принадлежности к их вероучению служит одежда. У женщин — длинная юбка, кофта обязательно с длинным рукавом, голова всегда покрыта платком, в дни собраний платок белый или черный, с кружевами — праздничный, в обычные дни — простой. В собрание надевают еще белый фартук (передник), также отделанный кружевами. Пожилые молокане-мужчины носят на голове картуз, одевают рубахи-косоворотки, подпоясанные кручеными поясами с кистями. Традиционность одежды, так же как и

[1] *С. А. Токарев.* Что такое мифология. Сб. «Вопросы истории религии и атеизма». Вып. 10. М., 1962, стр. 357.

традиционность обрядов, служит до настоящего времени одним из рычагов воздействия руководства секты на молоканский коллектив. Обряды-правила и поныне строго регламентируют человеческие отношения, поведение в такой консервативной среде, какой является религиозная среда.

Вместе с тем нельзя забывать и об обратной связи, которая существует между сохранившимися, но морально устаревшими общественными отношениями, характерными для молоканских групп, и обрядами молоканства.

Прежде всего это пережитки патриархальных отношений, свойственные большой русской семье.

В молитвенное собрание, на поминки и т. п. у молокан первыми входят мужчины. В молоканском Сионе — Хильмилях (Азербайджанская ССР) я наблюдала такую сцену. Народ был приглашен на поминки. Женщины столпились у лестницы, ведущей в дом, ожидая, чтобы прошли все мужчины. Когда женщины зашли в комнату, лучшие места в центре ее и у окна были заняты. Но вот мужчины заметили, что места, оставленные «сильному полу», пустуют. Тогда один из них, обращаясь к женщинам, громко позвал: «Бабы, проходите. Мужиков больше нет». Сцена достаточно красноречивая и характерная!

Сектантская обособленность от инаковерующих также выражается в обрядах. В середине прошлого века по царскому указу большая часть молокан была переселена в Грузию, Армению, Азербайджан. Оказавшись среди нерусского населения, молокане сделали свою веру цементирующим материалом в социально-этническом отношении. Сейчас русские — выходцы из молокан, проживающие в закавказских республиках, даже не верующие в бога, называют себя не русскими, а молоканами, хотя к молоканству они давно не имеют никакого

отношения. Обычная для сектантов замкнутость по отношению к инаковерующим плюс нерусское окружение превратили слово «молокане» в понятие этническое.

На примере отношения молокан к женщине, в сравнении с эволюцией отношения к женщине в нашей стране после победы Октябрьской революции особенно выпукло прослеживается рутина молоканского быта и роль религии как консерватора отживших общественных отношений. В конце прошлого века исследователь сектантства, в частности молокан, Ф. В. Ливанов писал, что более уважительное отношение к женщине среди молокан по сравнению с православными группами населения служило привлекательным моментом для перехода православных женщин в молоканство. Ведь у молокан, например, «если муж изменит жене или оскорбит ее сильно словом, а тем более если побьет, жена прямо заявляет об этом церковному собранию, и собрание на первом же молении вызывает к ответу виновного, разбирает дело публично... и затем налагает наказание»[1].

Все это так было. Однако в молоканских общинах, как и в православной церкви, брак всегда считался нерасторжимым: «Что бог сочетал, того человек да не разлучит».

Молоканский обряд бракосочетания подробно разработан, записан в молоканском «обряднике». Он до сих пор жив.

Религиозный ритуал обряда бракосочетания выглядит следующим образом. Жених собирается к невесте. В доме жениха в это время поет молоканский хор, затем читаются молитвы «Отче наш» и др. Опять поет хор. Все молятся. Когда жениха вводят в дом к невесте, жених и невеста перед пресвитером, в присутствии родите-

---

[1] *Ф. В. Ливанов.* Раскольники и острожники. Т. I, СПб., 1868, стр. 162.

лей, «старцев», приглашенных дают обещание: «Мы, рабы бога живого, обещаемся перед всемогущим богом и святым его евангелием и перед святой церковью в том, что по повелению закона божия желаем сочетаться законным браком по благословению и согласию наших родителей и по собственному нашему желанию, с тем чтобы без нарушения божьих заповедей и между нами наблюдена была верность и ложе не скверно; удаляться от всякого блуда и прелюбодейства до скончания нашей жизни...» и т. д.

Затем дает обещание один жених, потом одна невеста, а после опять они вместе. Наконец, молодым дает наставление пресвитер: «Богом благословленны муж и супруга, слушайте и разумейте божественное писание... В начале же создания мужчину и женщину сотворил их, посему оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей. И будут два одной плотью... Итак, что бог сочетал, того человек да не разлучит... если при живом муже выйдет за другого, называется прелюбодейкою, если же умрет муж, она свободна от закона и не будет «прелюбодейкой», вышедши за другого мужа».

По свидетельству этнографов, побывавших в Армении в 1964 г., многие молоканки терпят пьянство и издевательство мужей, не решаясь на развод, так как боятся осуждения верующих односельчан. Некоторые молоканки, по их словам, «вынуждены нести молоканский крест ради детей», чтобы, когда те вырастут, «грехи» матери не ложились на них темным пятном.

В вопросах брака религиозная нетерпимость молокан проявляется особенно четко. В Баку, например, бывший пресвитер бакинской общины, пользующийся известностью среди верующих далеко за пределами города, был против брака своих сыновей с немолоканками.

Подобных случаев можно привести много. А для

максимистов запрет на брак с инаковерующими — правило. Община имела, а иногда и имеет исключительное право в решении семейных дел. Когда «старцы» отказываются венчать разведенных молодых вторично (так как такой брак в молоканской среде считается недействительным), жених и невеста ищут выход и находят его в установившейся традиции обращаться к старикам «по сродству», т. е. к родственникам. Таким образом, обычные нормы оказываются соблюдены, хотя и обойдены молоканские правила.

В первые годы Советской власти у молокан существовал институт своих судей, «верующих и ревностных братьев для разбирательства житейских недоразумений». С течением времени к их голосу стали прислушиваться меньше, и в молоканских журналах мы встречаем сетования на то, что молокане решаются обращаться при разборе спорных вопросов в советский суд. Исчез обычай «освящать» [1] жениха и невесту перед венчанием, что является показателем падения влияния общины на молодежь. Хотя и по сей день «старцы» стараются регламентировать поведение верующих, угрожая в случае неповиновения различными карами, но жизнь вносит свои коррективы в молоканские «законы», разрушая во многом вековую сектантскую традицию.

В конце 1959 г. работница одного из медицинских учреждений Тбилиси Анна Караваева рассказала, как ее хотели выдать замуж за молоканина. В семье Анны отец, мать, братья — молокане. Родители договорились без ее согласия с родителями жениха о браке. Жених и невеста видели мельком друг друга только один раз. Родители жениха зарезали корову, приготовили свадебный

[1] За две недели до венчания, молодых приводили в собрание и ставили перед присутствующими. Любой член общины мог высказать свое мнение о молодых, что обычно и делалось. Это называлось «освящением».

стол и отправились в дом невесты для сватовства. Однако Анна, воспитанная советской школой, комсомолом, отказала нелюбимому человеку, невзирая на все уговоры. Жених и его родители были огорчены не отказом невесты, а тем... что приготовленное для свадьбы «добро» может испортиться. Чтобы оно не пропало, жених был приведен к другой девушке из молоканской семьи, которую сосватали за него, хотя молодые люди раньше друг друга не знали. На вопрос, почему другая девушка не отвергла этот «брак», Караваева ответила, что та не захотела огорчать своих родителей, т. е. девушку насильно заставили выйти замуж [1].

Среди традиционных молоканских обрядов важное место занимают поминки. Они отмечаются в сугубо религиозном духе. Присутствуют на поминках и родственники и чужие — члены общины. Здесь же бегают дети, смотрят и слушают. За общим трапезным столом поются религиозные песни, читаются притчи о великой материнской (или отцовской) любви, зачитываются и подходящие к случаю материалы из газет. Например, автору довелось услышать, как на поминках зачитывали интервью космонавта В. Терешковой, опубликованное в одной из центральных газет. В этом интервью В. Терешкова говорила: «Самый дорогой для меня человек — мама». И собравшимся было приятно слышать слова: «Чтобы ваши дети вас так же помнили, как вы своих родителей».

Поминальный обряд не только выражение сочувствия родственникам умершего, но и внушение живущим мысли о бренности земного существования, о вечности загробной жизни. И случается, что на такого рода поминках можно нередко увидеть и неверующих. Чтобы

---

[1] См. *А. Г. Золотов.* Реакционный характер молоканства. Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Вып. VI. Л., 1962, стр. 155.

не обидеть родных, в молоканских обрядах подчас принимают участие вышедшие из семей молокан советские служащие, врачи, агрономы, военнослужащие и т. п.

Следует отметить, что молокане больше, чем баптисты, адвентисты, пятидесятники, склонны прислушиваться к объяснению истинной сущности различных событий, явлений, в том числе и обрядов,— объяснению, которое дается пропагандистами. Они не бегут без оглядки от тех, кто стремится побеседовать с ними, разъяснить их заблуждения. Но часто они слушают внимательно, кивают головой, но не желают принимать никаких доводов разума. «Такова вера отцов»,— заявляют они и продолжают вести жизнь по-старому.

Вместе с тем, следуя традиции, молокане осуждают тех пресвитеров, которые требуют наистрожайшего выполнения установленных ритуалов. Это, по их мнению, не так уж важно. Когда один пресвитер, по установленному правилу, заставил офицера Советской Армии простоять на ногах всю церемонию поминок отца-молоканина, старухи-молоканки его осудили: «Такого большого человека стоять заставили... Ведь по писанию все равно верующие не поступают».

Такая противоречивость: с одной стороны, требование неукоснительно соблюдать обряды, а с другой — пренебрежение к традиционным установлениям, весьма характерна для молокан.

Регулярность молитвенных собраний и регулярность их посещений, соблюдение обрядов во всей их полноте давали бы молоканам право верить, что их вера еще сильна. Всего этого на практике нет. Хотя собрания проводятся, как правило, лишь в воскресенье утром и вечером, многие, даже пожилые верующие, не посещают этих собраний, мотивируя свое отсутствие ссылками на то, что «дети не пускают», «родственников надо было навестить» и т. п. Тем не менее для посещающих собра-

ние это маленький праздник, требующий определенной подготовки: верующие перед собраниями посещают баню, надевают нарядную одежду, настроение у них праздничное.

Со стороны руководителей общины пришедшим в собрание ранее назначенного срока оказывается особое внимание. Группу в 25—30 человек (там, где община состоит из нескольких сот людей) просят заходить в помещение, и начинается чтение молитв.

У молокан сохранился обычай кланяться и целовать друг друга при встрече. Это соблюдается до сих пор во всех общинах молокан и в Азербайджане и в центральных областях России.

При общем богослужении совершается девятикратное коленопреклонение. Необходимость его объясняется так: на небе перед богом и перед престолом его служат силы небесные, а именно: 1) престолы, 2) херувимы, 3) серафимы, 4) власти, 5) господство, 6) силы, 7) ангелы, 8) архангелы, 9) начала; в их честь и следует преклонять колена. Однако при посещении молитвенного собрания молокан в Баку автору бросилось в глаза, что мало кто из присутствующих опускался на колени все 9 раз, а некоторые вообще не считали необходимым преклонять колени.

В некоторых, в настоящее время немногих общинах сохранился еще один обычай — так называемое «святое лобзание». В конце собрания к нескольким «старцам» и «старицам» подходят по очереди все молящиеся и целуются «по-русски» — крест накрест. Обычай этот, как говорят молокане, «освещен предками». Во многих же общинах, где были сильные группы «прогрессистов», он был отменен еще в 20-х годах.

Многое уходит, но многое еще и осталось из молоканской традиции. До сих пор члены секты практикуют посты. И хотя постятся они не столь часто, без должно-

го рвения, но все-таки продолжают соблюдать обычай. Как правило, у молокан бывает трехдневный пост перед пасхой и после сбора урожая. В первый день поста верующие за власть молятся, второй день — благодарят за урожай, в третий молятся за тех, кто погиб во время Великой Отечественной войны.

Религиозные обычаи и обряды, частным выражением которых являются обряды молоканские, служат, как показали даже те, немногие примеры, что приведены выше, одной цели: законсервировать отжившие общественные отношения.

Наиболее левые представители молоканства решались выступать против всяких «видимых обрядов». Идеолог «прогрессистов» Н. Ф. Кудинов считал избавление от обрядов важнейшей основой для объединения всех верующих. «И пока христианство не станет на путь полнейшего отрицания видимых обрядов, в чем бы таковые не заключались,— писал он,— до тех пор молитва Христа о единстве верующих не достигнет цели» [1].

Следует иметь в виду, что эти слова были написаны в 1927 г., т. е. тогда, когда разложение молоканства обнажилось очень ярко, а из обрядов давно выветрился дух молоканской идейности. «Поклонение богу в духе и истине у большинства из нашего братства,— отмечали в свое время молокане,— свелось к мертвящей, автоматической, обрядовой религиозной формальности, а у других, более сознательных братьев, не разделяющих такого поверхностного взгляда на религию, некоторые старцы считаются чуть ли не еретиками» [2].

Тем не менее даже сейчас, когда молокан в нашей стране осталось не столь много, обряд остается наглядной пропагандой их вероучения, их идеологии.

---

[1] «Вестник духовных христиан-молокан», 1927, № 2, стр. 6.
[2] «Молоканин», 1910, № 4, стр 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время, несмотря на все еще широкое в географическом смысле распространение групп «духовных христиан», численность их не превышает пятнадцати — двадцати тысяч верующих, сократившись по сравнению с дореволюционным временем более чем в десять раз.

В идеологии «духовного христианства» произошла эволюция, которую вряд ли можно охарактеризовать однозначно: «приспособленчеством» или «модернизацией». Да, духоборцы, молокане, христововеры изменили свое отношение к светскому воспитанию, государственной службе, развлечениям, появились новые толкования различных мест Библии, новые оценки внутренней и внешней политики государств, в которых живут верующие этих христианских течений. И это естественно, ибо, как отмечал Ф. Энгельс, «всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке»[1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 313.

Советские исследователи религиозного сектантства отмечали, что главная его особенность состоит «в провозглашении религиозно-нравственной ценности повседневной общественно-практической деятельности», в определении практической, трудовой деятельности на земле в качестве религиозного долга. Добрые поступки стали необходимы как признак избранничества.

Этика «добрых дел» дала кое-кому основание гиперболизировать положительный опыт сектантских объединений. Стремление некоторых исследователей приукрасить сектантский быт, облагородить их идеалы и производственную деятельность, выливалось порой в неверные выводы о том, что сектантские организации являются чуть ли не коммунистическими по своему духу, по тем идеалам, которые провозглашались в некоторых сектах.

Это, конечно, противоречит фактам. Сектантские организации никогда не были коммунистическими ни по духу, ни по целям, которые они ставили перед собой, ни по средствам, выбранным для достижения этих целей.

«Духовные христиане», в силу своей буржуазной ограниченности не могли увидеть правильных путей к достижению «всеобщего благоденствия», а возложили надежды на будущее царство небесное.

Новейший период истории, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, предопределил закат старых форм русского христианского сектантства, социальной базой которого было обуржуазившееся крестьянство и городская буржуазия.

Жизнь показала, что в обществе, освобожденном от всех видов социального гнета, нет места социальным утопиям «духовного христианства». Те «духовные христиане», которые действительно мечтали о переустройстве общества на началах равенства и справедливости, вынуждены были задаваться вопросом, почему их идеологи, зная, что «мощи — обман, икона — не бог, попы —

не божьи слуги, а лжецы», не стали активно бороться против поповского обмана.

Для многих ответом на этот вопрос был выход из общин, как осознание того, что религия не та сила, которая способна изменить общество.

Под влиянием социалистических преобразований в нашем обществе, изменившихся условий жизни изменилось сознание верующих в нашей стране, в том числе и «духовных христиан». Это обусловило распад сектантских общин, угасание их активности.

О разложении всех течений «духовного христианства» говорят многие факты. Это и сокращение общей численности членов сект, и преимущественно пожилой возраст верующих, и отсутствие «рвения» в делах веры, и спад мистико-эсхатологических настроений в отдельных группах «духовного христианства».

Для истории развития «духовного христианства» в тех его течениях, которым особенно были свойственны эсхаталогическая направленность и мистико-экстатическое оформление религиозного культа, характерно угасание искренней религиозности и религиозного экстаза. Религиозный экстаз, выражающий, по мнению верующих, высшую степень радости, сопричастности «духу святому», на протяжении многих столетий заменял «хлыстам» и «прыгунам» разных толков всякую иную духовную радость и восполнял отсутствующую в крестьянской среде «духовную пищу», которую имели горожане (чтение светских книг, посещение театров и т. д.).

В настоящее время почти невозможно встретить в молитвенном собрании «прыгунов» — людей истинно одухотворенных своей верой. Наблюдения за присутствующими на таких собраниях служат подтверждением этих слов. Равнодушие вошло в стены сектантских молитвенных домов. А равнодушие — главный признак угасания веры.

Несмотря на относительную малочисленность «духовных христиан» и видимую тенденцию распада их общин, «духовное христианство», как и всякое другое религиозное течение, поддерживается определенными социальными причинами. Эти причины устраняются по мере дальнейшего социального и технического прогресса, роста культуры, просвещения, жизненного уровня советских людей. Ускорению этого процесса способствует и научно-атеистическая пропаганда, учитывающая особенности идеологии, вероучения и быта этих старых течений в христианском сектантстве, опирающаяся на достижения современной науки. Все взятые в комплексе факторы не оставляют будущего для религии. И можно с уверенностью говорить о том, что в истории «духовного христианства» пишется последняя страница, которая может служить эпилогом почти двух столетий безуспешных поисков счастья, которое сектанты так и не смогли найти на избранном ими пути религиозных грез и мечтаний.

Содержание

Малахова Ирина Александровна

ДУХОВНЫЕ ХРИСТИАНЕ

Редактор А. В. Белов.

Художественный редактор Г. Ф. Семиреченко.

Технический редактор Н. П. Межерицкая.

Сдано в набор 3 декабря 1969 г. Подписано в печать 18 февраля 1970 г. Формат 70×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Условн.-печ. л. 5,60. Учетно-изд. л. 5,41. Тираж 60 тыс. экз. А06020. Заказ № 9726. Цена 18 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд. «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

18 коп.

